

ИБИС

**Альманах
№ 29**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

№ файла

●	1-я страница обложки	01
●	2-я страница обложки	02
●	Эпиграф к журналу	03
●	Сначала прочтите это	04
●	Нечто неожиданное	05
●	Основные вопросы Бытия через ясновидение — А. Метельский (продолжение)	06
●	«Оккультный мир» (выдержки) — А. Синнетт	07
●	Настоящая литература! Продолжение повести Анат. Рыбакова "Прах и пепел" — о временах сталинизма	08
●	К пониманию психологии не-людей: «Очерки преступного мира» — В. Шаламов (продолжение)	09
●	О Левитане — К. Паустовский (начало)	10
●	Теософский словарь	11
●	Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (продолжение)	12
●	"Альтист Данилов" (глава 26)	13
●	Продолжение "Альтиста Данилова" — "Шеврикука, или Любовь к привидениям" (глава 13)	14
●	Философема	15
●	Цитата номера	16
●	3-я страница обложки	17
●	4-я страница обложки	18

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

О некоторых основных вопросах

Проблемы Бытия через ясновидение

(продолжение)

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

Я понял, что надо прислушиваться к их желаниям, что если вам чего-то очень хочется съесть, то это необходимо какому-то из ваших помощников. Но случаются и курьёзы. Однажды я ел арбуз и отравился нитратами. Посмотрел и увидел, что меня нечто вампирит, а в организм попадают зародыши мерзких амёб, которые живут около месяца и поглощают синий поток, от чего усиливаются заболевания дыхательных путей. А сами нитраты выглядят

как серый порошок, отравляющий организм. Хозяева органов и тела очень болезненно переносят нитраты, они буквально плачут и корчатся от боли. Особенно страдают хозяева кишечника, почек, надпочечников и главный хозяин тела (243 тыс.ед.). Симптомы — сильная головная боль, ломота во всём теле, особенно в суставах. Лечение такое: мысленно закрыть синие вампирические ямы и несколько раз промыть тонкое тело, отдельно хозяина тела, птицу Здоровья, и коровку попеременно в сыворотке и лимонаде, подпитать синим и белым.

Я их полечил, а через неделю обратил внимание, что плохо работает желудок. Начал выяснять причину — и вижу: хозяин желудка сидит надутый, отказывается работать. Спрашиваю, в чём дело. Как же, — говорит, — раз в году всего есть возможность капитально промыть желудок, и вот я половину промыл, а ты мне больше арбузов не даёшь. Мне еще пять надо! — Так там же нитраты! — Ерунда, — отвечает, — у меня есть фильтр, мне они не страшны. — Так ведь другие страдают. — Тут он немного удивился. «А я думал, раз мне ничего, то и другим тоже.» В общем, сошлись на трёх арбузах, и выбрал я менее нитратные (в ясновидении нижнего диапазона нитраты видны как узелки, скопления серой пыли). Затем в арбузах закрыл синие ямы, промыл их как следует в лимонаде на частоте 30-40 тысяч, а потом дополнительно промыл от нитратов

кишечник и почки. Тогда вреда получается не так много.

Так я впервые обнаружил, что наши мини-помощники ничего не знают друг о друге. Спросил главного администратора из центра воли, и он говорит: «Не успеваю, у меня же есть и свои заботы. С теми, кто на частоте 50 тысяч, я еще как-то общаюсь, а до нижних руки не доходят, да и слышу я их плохо, они для меня очень маленькие». В общем, он успевает выполнять прежде всего психологические функции, а физиология попрежнему ослаблена.

Был еще один забавный случай, когда обиделся хозяин кишечника. Спрашиваю, в чем дело. Тот предъявляет, во-первых, претензии, что меня не дозовёшься, что пока не перестанешь работать, внимания не обращают, ну а суть забастовки — «Хочу сыра!». Самое интересное, что как раз накануне я ел сыр. «А мне, — он говорит, — не досталось. Желудок и печень всё забрали себе.» Оказалось, хозяин печени, видя нынешнюю дороговизну и соответственно редкость употребления сыра, не только съел, но и отложил про запас: сыр ему необходим в небольших количествах для нормальной работы. Я попросил хозяина печени на сегодня поделиться с кишечником, а завтра обещал восполнить его запас.

И таких историй можно рассказать много. Есть случаи, когда наша помощь совершенно необходима для нормальной работы организма,

но большинство людей пока не знает, что такое возможно.

Пятый уровень наших помощников уже напрямую связан с работой сознания. Они располагаются между белым, оранжевым и серебряным слоями на частоте 110-120 тысяч — там, где находится главный руководящий центр души. Один из них сидит в диске и отвечает за тактическое мышление. Второй располагается между диском и дворцом руководителя сознания и обеспечивает стратегическое мышление. Есть специальный помощник, отвечающий за яснослышание: он тесно связан с белым колокольчиком. Иногда его похищают, а на его место засовывают какого-нибудь лукавого или инопланетянина (что нередко одно и то же), и тогда люди начинают слышать голоса. Этот помощник, как и следующие, есть не у всех, а лишь у тех, кто обладает такими способностями. Хозяин яснообоняния сидит на носу, и у него есть шкатулка красивых платочков с разными запахами. Способность ясноосязания обеспечивает помощник, живущий в грудном отделе позвоночника. Под диском находится хозяин практического мышления, руководящий салфетками. Он дополняет живущего на частоте 50 тысяч. Тот сам ведёт процесс бытовых дел, а этот занимается ближайшим планированием. И наконец, в золотой книге живёт координатор деятельности данного уровня, который обеспечивает гармонию всех остальных.

Эта группа была в своё время связана с погибшим после грехопадения руководителем освоения Земли. Сейчас для его восстановления нужна единая молитва к Богу-Отцу не менее трех четвертей населения Земли. И если всем землянам удастся договориться о сотрудничестве на уровне обычной жизни, то и на тонком плане это объединение будет подкреплено восстановлением реального существа, обеспечивающего наше единство.

И последний наш помощник, о котором я уже упоминал, — хозяин тела на частоте 240 тысяч. Его главная задача — обеспечение жизненных сил, поступающих к телу. Через него идет 50-55% всего потока (остальное — через молитву, творчество, ангелов-хранителей). Хозяин тела тоже связан с религиозными потоками, ибо только по ним идут сюда чистые силы, но он включен непосредственно в иерархию Бога-Отца. То, что произошло с руководителем центра воли, сильно задело и этого главного руководителя тела. Он потерял связь со всеми своими службами. Нынешнего хозяина воли он тоже почти не слышит, но главное — и не особенно старается слышать: за 4000 лет его почти полного отсутствия хозяин тела от нынешнего безделья стал ленивым. У большинства людей хозяева тела в основном валяются, отчего и их самих всё время тянет в горизонтальное положение. Но кое-что хозяин тела всё-таки сохранил. Многие заповеди заботы о теле, помещении, одежде и т.д.,

данные ему еще при создании человечества, имеют и сегодня практическую ценность. О них я также скажу и дальше.

И вот еще что. На Землю был послан один человек — «Адам». На полевом уровне человечество представляет собой единый организм, и все люди, которые родились после Адама, являются клетками его тела. А народы — это клетки тела хозяев-руководителей внутренних органов и частей тела первочеловека-Адама. Вот, кстати, почему отрицать тот или иной этнос, как это делают, например, антисемиты и прочие расисты, не только глупо, но и опасно: эти разрушительные тенденции-программы развернутся защитными силами в противоположную сторону и уничтожат ненавистников— в полном соответствии с библейским принципом, что зло разрушает само себя.

И когда у Адама рождались дети, то рождались именно они — его помощники в деле освоения Земли. И все народы, которые появились с тех пор, выполняют каждый свою функцию — являются какой-то частью тела, каким-то внутренним органом единого организма Земли. В этом причина появления и существования различных народов, объяснение их национальной самобытности и особенностей национального характера, в этом заключается незаменимость каждого из

народов и необходимость сотрудничества между ними.

К сожалению, народы стали появляться уже после падения Адама, то есть в условиях смешанного, загрязнённого мира, и в отношении между ними сумела проникнуть вражда. Когда Каин убил Авеля — это хозяин сердца убил хозяина воли. Так был нанесён первый удар по воле человечества. Хозяина воли восстановили сразу, потому что не было его вины в случившемся — родился новый сын у Адама, Сиф (*Бытие 4:25*). А вот Каин гораздо сильнее разрушил себя — от него пошел род, постепенно впадавший в дикость, те самые первобытные племена, о которых мы знаем из истории, с их животной жизнью, половой распущенностью, людоедством, магическими обрядами и т.д. (прости, Господи!). С этого братоубийства началось саморазрушение человечества. Сатана не может уничтожить нас непосредственно с тонкого плана, поэтому он стремится сломать человечество его же собственными руками, натравливая народы друг на друга: те же расизм, антисемитизм и проч., даже у африканских негров. Кажется: ну откуда бы уж в многострадальной-то Африке этому взяться? А вот, всё «оттуда же».

Так что межнациональные конфликты — это борьба почек против желудка, глаз против ушей и так далее. Большой нелепости и дикости не может быть, — прости, Господи!

И всё это — прямая расплата за отпадение от Бога. Лишь связь с Ним позволяет сохранить единство. Это Ему мы нужны в полноте и ценности индивидуальных различий. А Сатане требуется безликая масса, беспрекословно и одинаково выполняющая его указания (таким был пресловутый «советский народ»). Политика нивелирования национальных особенностей, проводившаяся, например, в бывшем СССР и Югославии, закладывала сегодняшние взрывающиеся мины замедленного действия. Решить же имеющиеся проблемы можно только прямым обращением к Богу, лишь осознанием единства всего человечества, а никак не силой взаимного разрушения. Отрицая право на существование другого народа, мы разрушаем в своем собственном теле того хозяина-помощника, который связан с этим народом.¹ Отрицая других (убивая, ненавидя и т.п.), мы неизбежно уничтожаем себя: зло саморазрушительно. Дай Бог, чтобы люди это скорее поняли.

(продолжение предполагается)

¹ От редактора: вот почему наш журнал резко выступает против антисемитизма и вообще всех видов расизма.

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

Тому, чье понимание Природы и Человечества настолько превзошло пределы европейской науки и философии, что лишь те из представителей этих отраслей познания, которые наделены наиболее широким кругозором, способны представить себе существование в Человеке сил, подобных тем, которые постоянно проявляет тот, о ком я говорю, -

КУТ ХУМИ ЛАЛ СИНГХУ,

чье доброе дружеское расположение дает автору этой книги право притязать на внимание европейской общественности; человеку, чье согласие автор испросил и получил, с любовью посвящается эта небольшая книжка.

А. П. Синнетт

1881

ВВЕДЕНИЕ

I

В мире по-прежнему существует некая философская школа, о которой современная культура уже позабыла. Намеки на эту школу можно уловить в древних философских учениях, хорошо знакомых всем образованным людям. Однако намеки эти дают нам едва ли более вразумительное представление об утраченном, нежели обломки забытой скульптуры, - и даже менее вразумительное, потому что мы знаем, как выглядит человеческая фигура, и можем добавить к торсу воображаемые конечности, но мы не в состоянии воссоздать в своем воображении смысл истин, перешедших к нам по традиции от Платона и Пифагора, истин, которые говорят о тайном знании древнего мира тем, у кого есть ключ к их значению. Тем не менее случайные сведения могут облегчить нам расшифровку этого языка, а тех, кто готов попробовать свои силы, предавшись исследованию, ждет самое щедрое духовное вознаграждение.

Дело в том, что и современная метафизика, и в значительной степени современные естественные науки вот уже несколько столетий вслепую, наощупь ищут подходы к знанию, которым все это время в полной

мере обладала оккультная философия (каким бы странным ни показалось это утверждение на первый взгляд). Благодаря цепочке счастливо сложившихся обстоятельств, я со всею определенностью знаю, что это так. Я вступил в контакт с людьми, унаследовавшими более возвышенные познания о тайнах Природы и человечества, нежели все теории, которые разработала до сих пор современная культура. Ныне я стремлюсь к тому, чтобы в общих чертах изложить основные принципы этого знания, а также точно воспроизвести полученные мною экспериментальные подтверждения того, что оккультные науки дают посвященным власть над природными силами, которые недоступны обычным физикам, и что у нас есть основания с самым серьезным вниманием отнестись к оккультным теориям о структуре и предназначении человеческой души. Конечно, в наши дни люди едва ли смогут сразу поверить, что сколько-нибудь ценные знания можно обнаружить вдали от блистательного средоточия европейской культуры. Добившись впечатляющих результатов при помощи открытого метода исследований, современная наука с крайним раздражением относится к предположению, что люди, достигшие подлинных знаний, будь то в естественных науках или в метафизике, способны удовлетворяться тем, чтобы

держат светоч под спудом. В этом заключается источник утверждения, что оккультные философы древности - египетские жрецы, халдейские маги, ессеи, гностики, теурги-неоплатоники и прочие, кто держал свои знания в секрете, - придерживались такой установки лишь из желания скрыть тот факт, что знают они на самом деле очень мало. Таинственность мила лишь шарлатанам, которые стремятся дурачить людей. С точки зрения современного человека, это заключение вполне простительно, однако из-за него в обществе сложилось впечатление, будто учение древних мистиков и вправду вывернули наизнанку, обнажив скудость их знаний.

Такое впечатление является абсолютно ошибочным. В прошедшие исторические эпохи люди науки работали в атмосфере секретности; вместо того чтобы предавать свои открытия огласке, они тайно посвящали в них тщательно отобранных учеников. Мотивы подобного поведения вполне можно понять, хотя достоинства такой политики небесспорны. Во всяком случае, учение этих людей не было забыто; передаваясь посредством тайного посвящения, оно дошло и до наших дней. При том, что методы и практические достижения этого учения по-прежнему хранятся в тайне, оно доступно

любому, кто терпеливо и серьезно займется изучением проблемы, дабы убедиться, что методы эти в высшей степени эффективны, а достижения гораздо более впечатляющи, нежели те, за которые убежденно держится современная наука.

Ведь завеса тайны, которая окутывала эту деятельность, никогда не могла скрыть самого ее существования, и лишь в наше время она была предана забвению. В прошлом посвященные демонстрировали силы, которые им давало знание законов Природы, на величественных публичных церемониях. Мы легкомысленно допускаем, что рассказы о подобных демонстрациях являются описанием проявлений магической силы; а коль скоро мы решили, что такого явления, как магия, просто не существует, то отсюда следует, что рассказы эти, несомненно, лживы, а люди, о которых они повествуют - мошенники. Но если предположить, что магия древности была просто наукой магов – ученых людей, то тогда больше незачем говорить о магии в современном значении этого слова. А если допустить, что подобная наука, которая уже в древние времена была плодом многовековых исследований, в некоторых областях перешагнула те рубежи, к которым только-только подошла наука современная, то напрашивается вывод: некоторые такие

демонстрации, связанные с древними мистериями, могли представлять собою строго научные эксперименты, хотя они и похожи на проявления магии - каковыми показались бы нам и сейчас, если бы их удалось воспроизвести.

В свете этой гипотезы современный практический ум, прилагающий к предмету древних мистерий современные знания, может оказаться всего-навсего современной глупостью, приходящей к ошибочным заключениям вследствие современного невежества.

Однако у нас нет необходимости строить гипотезы на эту тему. Факты вполне доступны, если только их правильно искать. Факты эти таковы: мудрость древнего мира - смесь науки и религии, комбинация физики и метафизики - была реальностью и продолжает существовать до сих пор. Это и есть Оккультная Философия, о которой далее говорится на страницах этой книги. Оккультная Философия уже была сложившейся системой знаний, которые развивались под покровом тайны и в течение столетий передавались посвященным еще до того, как последователи этого учения стали производить публичные эксперименты, чтобы воздействовать на общественное мнение в Египте и Греции. В наши дни adeпты оккультизма способны выполнять сходные

эксперименты и демонстрировать результаты, доказывающие, что в понимании сил Природы оккультисты продвинулись неизмеримо дальше, нежели современная традиционная наука. Более того, они унаследовали от своих великих предшественников науку, которая занимается не только естествознанием, но также структурой и возможностями человеческой души и духа.

Современная наука открыла циркуляцию крови; оккультные науки постигли циркуляцию жизненной энергии. Современная физиология имеет дело лишь с телом, оккультизм - также и с душой, но не в качестве объекта туманно-благоговейных славословий, а в качестве реальной сущности, обладающей своими особыми свойствами, которые можно изучать вместе со свойствами тела или отдельно от них.

Традиции оккультизма по-прежнему поддерживаются главным образом на Востоке - в Индии и прилегающих к ней странах. Именно в Индии я и столкнулся с ними; эту небольшую книжку я написал для того, чтобы запечатлеть переживания, которые я испытал, и поделиться познаниями, которые приобрел.

Прежде чем излагать факты и события, я должен предпослать своему рассказу некоторые общие пояснения, без которых он будет непонятен. Чтобы объяснить величие оккультной организации, равно как и то поразительное открытие, что отшельники Востока могут понимать в электричестве больше, чем Фарадей, а в физике - больше, чем Тиндаль, мы должны иметь в виду подлинный оккультизм, в той форме, в которой его практиковали во все эпохи. Европейская культура развивалась сама по себе в течение нескольких последних веков. Оккультная же культура представляет собою плод громадных периодов развития, которые имели место задолго до этого, еще с той поры, как цивилизация обосновалась на Востоке. На протяжении этого поступательного развития, которое в области физической науки вывело оккультизм далеко за рубежи, достигнутые нами, само естествознание оставалось для него всего лишь объектом второстепенной важности. Основные силы оккультизма были направлены на метафизические исследования, на скрытые психические способности человека, которые позволяют оккультисту достичь подлинного, основанного на опыте, знания о состоянии души, находящейся вне тела. Таким образом, тождество системы оккультизма с учениями

тайных обществ, существовавших во все исторические эпохи, вызывает нечто большее, нежели сугубо археологический интерес; это тождество дает нам ключ к философии религиозного развития.

Оккультизм - это не просто частное открытие, показывающее, что человечество обладает определенной властью над Природой, какой не удалось достичь путем более узкого изучения Природы с чисто материалистических позиций; оккультизм - это озарение, вмещающее в себя все духовные теории прошлого, хоть сколько-нибудь достойные внимания; это учение, которое связывает воедино системы, на первый взгляд расходящиеся друг с другом. Для духовной философии оккультизм - то же самое, что санскрит - для сравнительной филологии; это общий ствол, в котором объединяются корни различных философских систем. Именно так соединяются в одну семью идеи иудаизма, христианства, буддизма и египетская теология. Оккультизм не является новым изобретением или особой сектой, но не существует ни одной секты, приверженцы которой могли бы обойтись без данных, почерпнутых из оккультизма и проливающих свет на концепцию Природы и предназначение человека, - данных, собрать которые помогла членам этих сект их особая

вера; по существу, каждый, кто взял на себя труд ясно осознать проблемы, которыми занимается оккультизм, должен признать в нем учение, имеющее величайшую важность для любой личности, которая стремится жить творческой, достойной человека жизнью и которая способна осознать то, что знания о нашей жизни после смерти опираются на этику. Одно дело – руководствоваться смутным ощущением того, что воздержание от грехов при жизни может оказаться полезным для посмертного существования, если таковое имеет место; и, несомненно, совсем другое - осознавать, что жизнь после смерти является итоговым выражением того, как вы распорядились возможностями, предоставленными вам в этой жизни, абсолютно так же, как сумма складывается из составляющих ее положительных и отрицательных величин.

Я уже говорил, что поразительная важность оккультного знания связана с тем, каким образом оккультизм дает нам точное, основанное на опыте понимание духовных явлений, которые во всех других системах остаются предметом умозрительных спекуляций или слепой религиозной веры. Более того, можно утверждать: оккультизм доказал, что свойственные Природе гармония и плавная последовательность, которые прослеживаются в физике, распространяются

и на те природные процессы, которые связаны с феноменами метафизического существования.

Прежде чем приступить к изложению выводов, к которым пришла оккультная философия относительно природы человека, стоит, пожалуй, опровергнуть возражение, которое читатель может выдвинуть в самом начале нашего рассуждения. Как могло случиться, что выводы, имеющие столь огромную важность, до сих пор оставались тайным, ревниво оберегаемым достоянием кучки посвященных? Не в том ли заключается один из законов прогресса, что истина возвещает о себе, устремляясь на свет, на простор? Разумно ли предположение, что величайшая из всех истин, фундаментальная основа знания о человеке и Природе, страшится явить себя миру? Почему древние приверженцы и знатоки оккультной философии не хотели поделиться бесценными сокровищами своих исследований?

Что ж, не мое дело оправдывать то крайнее упорство, с которым знатоки оккультизма до сей поры не только лишали мир всякой возможности познакомиться с их знанием, но и держали его почти в полном неведении относительно того, что подобное знание вообще существует. Однако в данном случае достаточно отметить, что было бы глупо

закрывать глаза на раскрытую нам тайну, которая может обрести частичное признание в наши дни, отвергнув ее только из-за того, что нас удивляет поведение людей, которые могли бы раскрыть ее раньше, но предпочли этого не делать. Не более благоразумно утверждать, что скрытность оккультистов дискредитирует все, что они могут сообщить нам теперь о своих достижениях. Если сегодня ярко светит солнце, его свет не могут дискредитировать вчерашние показания барометра. Обсуждая достижения оккультистов, я прибегаю к фактам, которые действительно имели место, а установленную истину не может дискредитировать ничто. Несомненно, в дальнейшем есть смысл исследовать мотивы скрытности, которая отличала оккультистов во все времена. Быть может, мы сможем больше сказать в оправдание их действий, нежели это кажется на первый взгляд. Читатель не намного приблизится к пониманию природы тех способностей, которыми обладают мастера оккультизма, если не поймет, что практическое применение подобных способностей в высшей степени желательно держать в тайне от мира. Но одно дело - отказать основной массе человечества в ключе, открывающем тайну оккультной силы, а другое - скрывать сам факт существования тайны, которую можно

открыть. Однако дальнейшее обсуждение этого вопроса пока преждевременно. На сей раз достаточно будет обратить внимание на то, что секретность, в конце концов, нельзя назвать абсолютной, если посторонние исследователи имеют возможность узнать о скрываемой тайне столько, сколько я собираюсь рассказать в этой книге. Не подлежит сомнению, что гораздо больше знаний осталось за непроницаемой для нас завесой; но исследователи, которые правильно возьмутся за дело, в любом случае смогут узнать еще очень многое, а то, что можно изучить сейчас, не является новым откровением, которое оккультисты по прихоти своей впервые предлагают внешнему миру.

В прошлые исторические эпохи всему миру было известно об оккультизме гораздо больше, нежели знают о нем сейчас на современном Западе. Не ревность оккультиста, а фанатизм современной цивилизации виною тому, что о результатах исследования психических явлений европейские народы знают на сегодняшний день куда меньше, чем обитатели Египта - в прошлом, а жители Индии - в настоящем. Что касается последних, которые дают возможность с легкостью проверить только что изложенную теорию, то вам не составит труда обнаружить, что огромное

большинство индусов убеждено в истинности тех основных положений, которые я намереваюсь здесь выдвинуть. Далеко не все индусы говорят на такие темы с европейцами, а если и говорят, то не очень охотно, потому что уроженцы Европы имеют глупейшее обыкновение высмеивать взгляды, которых не понимают или в которые более не верят. Перед лицом подобных насмешек коренной обитатель Индии проявляет величайшую робость. Однако это ни в малейшей мере не может поколебать его убеждений, основанных на фундаментальном учении, которое он всегда будет считать верным, и нередко подкрепленных случайными эпизодами из его собственного опыта. Индусы в массе своей прекрасно осведомлены о том, что существуют люди, благодаря строгому соблюдению определенного образа жизни приобретающие необычайные способности, которые европейцы весьма опрометчиво назвали бы сверхъестественными. Для индусов вполне привычна мысль о том, что люди, обладающие этими способностями, ведут отшельническую жизнь и недостижимы для тех, кто проявляет праздное любопытство, но тем не менее доступны для достойных и решительных соискателей, жаждущих оккультного обучения. Спросите любого культурного индуса, случалось ли ему

слышать о Махатмах, йога-видье или оккультных науках - и сто шансов против одного, что он слышал о них и (если только он не является одним из гибридных продуктов англо-индийских университетов) полностью верит в реальность той силы, которую приписывают йоге. Из этого вовсе не следует, что он сразу ответит "да" европейцу, задающему этот вопрос. Скорее всего, он скажет вам прямо противоположное, движимый опасениями, о которых я уже говорил выше. Но проявите настойчивость, и вы узнаете правду, как это случилось, например, со мною в прошлом году, когда я познакомился с одним очень умным индийцем-вакилем*1, который говорил по-английски, занимал влиятельное положение и поддерживал постоянные отношения с высшими чиновниками из числа европейцев. Сперва мой новый знакомый встретил мои расспросы так, словно он вообще ничего не знал о подобных предметах. Он напустил на лицо бессмысленное выражение полнейшего невежества и совершенно отрицал всякое знакомство со знанием, которое я имел в виду. И только со второй встречи, когда мы встретились у меня дома, в непринужденной обстановке, и гостю постепенно стало нравиться, что я настроен серьезно и сам кое-что знаю о йоге, - только тогда он без опаски посвятил меня в свои подлинные

мысли на этот счет. Оказалось, что он не только с самого начала знал, что я имел в виду, но и располагал информацией о происшествиях и феноменах оккультного или явно сверхъестественного характера, многие из которых наблюдали члены его семьи, а некоторые - и он сам.

Суть дела заключается в том, что у европейцев нет никаких оснований объяснять ревностью оккультистов свое полное и абсолютное невежество во всем, что связано с этими людьми, - невежество, характерное для всего современного западного общества. До сих пор Запад был увлечен материальным прогрессом в ущерб душевному развитию. Быть может. Запад поступил наилучшим возможным образом, ограничившись рамками своей специализации; тем не менее, если концентрация на данной цели привела к определенному упадку в другой сфере развития, Запад может винить в этом только себя.

Один человек (судя по его манере выражаться, он, вероятно, был посвященным) сказал французскому писателю Жаколио, который долгое время занимался различными аспектами восточного спиритизма: "Вы изучили физическую Природу; используя ее законы, вы добились великолепных результатов - я имею в виду

пар, электричество и тому подобное. Мы же на протяжении двадцати тысяч лет или даже более изучали духовные силы; мы открыли их законы и, используя эти силы сами по себе или в их взаимодействии с материей, вызываем к жизни явления, еще более удивительные, чем ваши". Жаколио добавляет: "Мы видели вещи, которые едва ли кто-нибудь решится описать, - иначе читатели усомнятся, в здравом ли он уме... и тем не менее мы все-таки их видели".

(продолжение предполагается)

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Получив распоряжение выехать в Москву, Шарок задумался.

Вечером семнадцатого февраля у Ежова был банкет по случаю отъезда Слуцкого в Узбекистан. Той же ночью Слуцкий умер. И хотя в "Правде" появился короткий, но теплый некролог, он не обманул Шарока. Москва — не Париж, там не нужен препарат десятидневного действия, можно и однодневного. И Шпигельглас исчез, вместо него новый человек — Павел Анатольевич Судоплатов.

Слуцкий был обречен. Но по тому, что посадили и Шпигельгласа, Шарок понимал: дело в убийстве Льва Седова. С его смертью Зборовский потерял и доступ к переписке Троцкого, и возможность внедриться в его ближайшее окружение. И Серебрянского посадили, и всех его ребят, "Алексея" в том числе. Вот тебе и боксер, хорошо говорящий по-французски.

Отдал приказ Шпигельглас, препарат передал "Алексей", а там уж действовал Зборовский. Он, Шарок, никакого касательства к этому не имел, думал — неудачная операция. Но Шарок знал свое учреждение. Никакие доводы и доказательства там не действуют. Надо "очистить отдел от людей Шпигельгласа" — очистят за милую душу, расстреляют, и дело с концом.

Что же делать, как поступить? Не ехать, смыться? Куда? Просить убежища, стать "невозвращенцем"? Найдут. Как нашли и убили Игнатия Райсса. С другой стороны, его никак нельзя назвать человеком Шпигельгласа. К Шпигельгласу его направил сам Ежов. Может быть, чтобы заменить при надобности. Возможно, для этого и вызывает. Ведь сказал тогда: "Присмотритесь".

Однако Ежов назначен по совместительству и народным комиссаром водного транспорта. Назначение более чем странное. Водный транспорт! Речные пароходства — кому это надо?! И Ягоду не сразу расстреляли, а тоже назначили наркомом связи, а уж потом посадили. Но Ягоду тогда сразу сняли с НКВД, а Ежова не сняли, и он, Шарок, человек Ежова, притом русский человек, не какой-нибудь поляк или еврей, как все эти Слуцкие и Шпигельгласы. Надо ехать, будь, что будет!

Как Шарок и предполагал, с ним разговаривали по поводу Седова, не допрашивали, а так, «собеседовали». Попросили написать объяснительную записку. Шарок написал, что как было. А как было? Седов заболел, Шпигельглас прислал "Алексея", приказал свести его со Зборовским, но самому на встрече не присутствовать. Свел. Не присутствовал. А через десять дней Седов умер. Вот и все. Шарок долго думал и приписал осторожно: "Смерть Седова во многом обесценила значение "Тюльпана" как источника исключительно

важной информации и лишила его возможности внедриться в окружение Л.Д.Троцкого".

Объяснительную записку он сдал, и опять потянулись дни ожидания. Болтался в отделе. Познакомился с Павлом Анатольевичем Судоплатовым, рассказывал ему о Третьякове и Зборовском. Судоплатов, конечно, все о них знал, но внимательно слушал, прихлебывая из стакана горячий чай. Грипповал, знобило, глаза слезились, нос покраснел, не лучшим образом выглядел, тем не менее произвел на Шарока сильное впечатление — холодный, безжалостный, настоящий разведчик. Велел пока знакомиться с текущими донесениями Зборовского о подготовке в Париже учредительного конгресса троцкистского IV Интернационала.

20 июля заместителем Ежова и начальником Главного управления государственной безопасности назначили Лаврентия Павловича Берию. Всем стало ясно: дни Ежова в наркомате сочтены, Берия, близкий Сталину человек, пришел заменить Ежова. Тревога еще больше овладела Шароком — вся надежда была на Ежова. А теперь? Не за кого зацепиться, не у кого просить помощи, ни одного знакомого лица, всех пересажали: Молчанова, Вутковского, Штейна, Дьякова. Даже опасно упоминать, что работал с ними, с осужденными врагами народа.

Единственным старым знакомым оставался Абакумов Виктор Семенович. Ходил теперь в больших чинах — начальник Ростовского

областного управления НКВД, одного из крупнейших в наркомате. А ведь у них в отделе подшивал бумаги. С приходом Ежова пошел в гору. Поставил у себя в кабинете шкафы с конфискованными книгами, а ведь за всю жизнь, наверное, ни одной не прочитал. Темный, необразованный, матерщинник, бабник, фокстротчик, такой медведь, а почитает себя великим танцором. А не заступись тогда за него Шарок, свистел бы сейчас на морозе где-нибудь на севере в должности лагерного оперуполномоченного. И напомнить нельзя — обидится: выходит, я обязан не своим способностям, не беззаветной преданности делу Ленина — Сталина, а тебе, гавнюку?! Только врага приобретет. Люди не любят, когда им напоминают о благодеяниях. Возможно, Абакумов вообще не желает вспоминать то время. Ведь именно он допрашивал своих бывших начальников и сослуживцев по СПО — секретно-политическому отделу. Лучше быть от него подальше. Абакумов часто наезжал в Москву, но Шарок не делал попыток с ним встретиться. Встретились случайно, в коридоре. Абакумов шел шумно, такая есть особенность у больших начальников. Не кричит, не стучит, сапогами не топает, а видно, что идет начальник, никому дороги не уступает, прет, как танк, посередине коридора, кивает головой и знакомым, и незнакомым, и часовым кивает мимоходом, те у него пропуск не спрашивают, знают в лицо.

И Шароку он кивнул, как и всем, проходя, мимоходом, но тут же остановился.

— Юра, ты ли это?

— Я, Виктор Семенович.

— Рад видеть. Ты вроде бы там?.. — Абакумов кивнул головой в сторону, как бы показывая за кордон, за границу.

— Вроде бы там.

— Остаешься или обратно?

— Не могу точно сказать, Виктор Семенович, наша работа такая: нынче здесь, завтра там... — Шарок тоже кивнул головой в сторону, как бы показывая за кордон.

Абакумов зычно рассмеялся.

— Как мы в комсомоле-то пели: "По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там"... — Неожиданно спросил: — Женился?

— Нет еще.

— На перекладных?

— Приходится.

— Слушай, у тебя отдельная квартира, помню, новоселье справляли.

— Да, квартира все та же.

— Знаешь разницу между комедией, драмой и трагедией?

— Ну, — начал Шарок, — комедия — это...

— погоди, — перебил его Абакумов, — я тебе сам объясню: когда есть "чем", есть "кого", но нет "где" — это комедия; когда есть "чем", есть "где", но нет "кого" — это драма; а вот когда

есть "где", есть "кого", но нету "чем" — вот тогда трагедия.

И опять зычно расхохотался.

— Понял меня? Кобылки-то есть?

— Где их нет.

— Давай завтра вечером, в девять. Собери кворум, кураж подвезу. Только адрес оставь, подзабыл малость.

Шарок записал свой адрес, от "куража" отказался:

— Ничего не надо, Виктор Семенович, дома все есть.

Предстоящее мероприятие внушило Шароку некоторые надежды. Если Абакумов хочет провести у него на квартире ночь с бабами, значит, Шарок в порядке. Абакумов знает, с кем можно по пьянствовать, а с кем нельзя. Знает, что Ежову конец, а ведет себя уверенно, значит, есть поддержка и с другой стороны.

Шарок позвонил Кале, велел прийти завтра с подругой, предупредил:

— Только не ломаку, понимаешь?! Для большого человека! От него многое для меня зависит.

Каля все пообещала сделать. Решила, наверное, что этот человек поможет Шароку остаться в Москве, и тогда Юра на ней женится. Дура, конечно, но баба ничего, своя, верная баба.

На следующий день Шарок чувствовал себя веселее. Составил сводку донесений Зборовского о предстоящем конгрессе троцкистского IV Интернационала. Официально объявлено, что конгресс состоится в Лозанне, на самом же деле он откроется в пригороде Парижа, на вилле друзей Троцкого супругов Росмеров. Ожидается человек 30-40 из 15-16 стран, список этих стран и предполагаемых делегатов Зборовский прислал. Задача конгресса — утвердить "Мировую партию социальной революции". Сводку в конце рабочего дня Шарок доложил Судоплатову. Тот приказал запросить у Зборовского список всех технических сотрудников конгресса.

— Павел Анатольевич, — сказал Шарок, — сегодня вечером у меня некоторые личные дела. Разрешите уйти часов в семь.

— Пожалуйста, когда хотите, вечером вы не понадобитесь.

Шарок вернулся в свой кабинет, запер ящики стола, погасил настольную лампу, и тут раздался звонок по внутреннему телефону: Шароку приказывалось немедленно явиться к народному комиссару товарищу Ежову.

Опять, как два года назад, по длинным коридорам Шарок шел в левое крыло наркомата, поднимался вверх, спускался вниз, снова поднимался, на каждой лестничной площадке предъявлял часовым удостоверение, опять

обдумывал, зачем Ежов вызывает его. Абакумов что-нибудь сказал? Сомнительно. Шарок его ни о чем не просил. Париж? Все доложено Судоплатову. И еще: иностранный отдел подчиняется теперь Берии. Значит, Ежов его обходит? А потом Берия на нем, на Шароке, отыграется. В общем, ничего хорошего этот вызов не сулит.

Вместе с секретарем Шарок пересек знакомый кабинет. Тот же громадный стол, застекленные шкафы вдоль стен, портьеры на окнах, та же дорогая мебель и портрет товарища Сталина над креслом. Секретарь постучал в дверь в задней стене, раздался хриплый голос: "Входи!" Секретарь открыл дверь, пропустил Шарока и удалился.

В небольшой комнате на диване сидел Ежов, рукава рубашки засучены, волосы растрепаны, на столе батарея бутылок, на тарелках закуска. Окинул Шарока мутным взглядом. Зазвонил телефон. Ежов поднял трубку, послушал, грубо ответил:

— Я русским языком все объяснил. Не поняли? Ну, и идите к...

Матерно выругался и бросил трубку. Был не только пьян, но возбужден и встревожен. Снова мутными глазами с подозрением посмотрел на Шарока.

— Отчитались?

— Так точно, товарищ народный комиссар, отчитался, — отпрапортовал Шарок, вытягиваясь.

Ежов не предложил ему сесть.

— Не надоело жить вдали от Родины?

— Служба, товарищ народный комиссар.

— Служба... Службу можно поменять.

— Как прикажете, товарищ народный комиссар.

— А вот прикажу перейти на службу в Народный комиссариат водного транспорта. Как ты на это посмотришь?

— Приказ есть приказ, товарищ народный комиссар.

— Что ты все талдычишь: приказ, приказ... Спрашиваю: хочешь перейти ко мне в Наркомат водного транспорта?

Мысль Шарока лихорадочно работала. В органах стало опасно, хорошо бы уйти на гражданскую службу, но связывать свою судьбу с Ежовым еще опаснее.

— Что молчишь?

— Не знаю, какая работа, товарищ народный комиссар.

— Работы хватает, работников нет, одни вредители и болтуны, понял?

— Понятно. Но я по образованию юрист, поэтому меня сюда и взяли. А речной транспорт... Я даже не знаю, что это такое.

Ежов опять глотнул из рюмки, пошарил глазами по столу, но ничем не закусил. Не глядя на Шарока, сказал:

— Устроим по специальности. Есть и юридический отдел, и отдел кадров, и спецотдел.

— Разрешите подумать, товарищ народный комиссар.

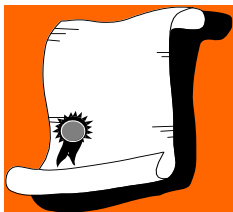
Ежов поднял на него мутные глаза, недобро посмотрел, у Шарока от страха сжалось сердце.

— Не хочешь! — зловеще заключил Ежов.

— Подумать хочу, товарищ...

— Все ясно! — оборвал его Ежов. — Иди!

(продолжение предполагается)

ИЗ АРХИВА

С другой стороны, пусть поймёт народ,
ищущий грань меж Добром и Злом:
в какой-то мере бредёт вперёд
тот, кто с виду кружит в былом.

Иосиф Бродский

Варлам ШАЛАМОВ

ОЧЕРКИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

(продолжение)

От редакции

Мы продолжаем эту публикацию, чтобы читатели поняли психологию НЕ-ЛЮДЕЙ. Выделенное большими буквами — не просто слова: эзотерик достаточной квалификации знает, что на Земле существуют люди и НЕ-ЛЮДИ — бандиты и убийцы по природе, с которыми мы, НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ, а также воспитание и органы правопорядка, ничего поделать не можем, потому что в своё время их души пришли с тех планет, на которых царили именно такие нравы.

Но, как сказано в Библии, чего не могут люди, может Бог. А люди должны стараться Ему помогать, подражать. «Дам вам знание, — сказал Иисус, — и знание сделает вас свободными». Знание действительно сила, и в частности — защитная; отсюда и публикация данных «Очерков...».

Наивные врачи искали объяснения противоречий идеологов блатного мира. Один из таких философов-главарей лежал в это время в хирургическом отделении больницы. Два месяца назад, находясь в «изоляторе», он, желая оттуда выйти, применил обычный

безошибочный, но небезопасный способ: он засыпал себе оба — для верности — глаза порошком химического карандаша. Случилось так, что медпомощь запоздала, и блатарь ослеп — в больнице он лежал инвалидом, готовясь к выезду на «материк». Но он и слепой принимал участие в разработке планов преступлений, а уж в «судах чести» считался прямо непререкаемым авторитетом. На вопрос врача о «Красном Кресте» и об убийствах медиков на приисках, совершённых ворами, он ответил, смягчая гласные после шипящих, как выговаривают все блатари:¹

— В жизни разные положения могут быть, когда закон не должен применяться.

Он был диалектик, этот блатной...

Достоевский в «Записках из Мёртвого дома» с умилением подмечает поступки «несчастливых», которые ведут себя как «большие дети», увлекаются театром, по-ребячески безгневно ссорятся между собой... Достоевский не встречал и не знал людей из настоящего блатного мира. Этому миру Достоевский не позволил бы выказать никакого сочувствия.

Неисчислимы злодеяния воров в лагере. Несчастливые люди работяги, у которых вор забирает последнюю тряпку, отнимает последние деньги, и работяга боится пожаловаться, ибо видит, что вор — сильнее

¹ Мы это слышали и видели в кинофильме «Два бойца»: Борис Андреев играл «Сашу с Уралмаша», а Марк Бернес — этого самого блатного, второго «бойца». В кавычках потому, что настоящий блатной никогда не будет настоящим бойцом, ибо он шкурник. А этот в кино — просто образ приблатняющегося. (— Ред.)

начальства. Работягу бьет вор и заставляет его работать — десятки тысяч людей забиты ворами насмерть. Сотни тысяч людей, побывавших в заключении, растлены воровской «идеологией» и перестали быть людьми.² Нечто блатное навсегда поселилось в их душе: вору, их мораль навсегда оставили в душе любого неизгладимый след.

Груб и жесток начальник, лжив воспитатель, бессовестен врач, но всё это — пустяки по сравнению с растлевающей силой блатного мира. Те всё-таки люди, и нет-нет, да и проглянет в них человеческое. Блатные же — не люди.

Влияние их морали на лагерную жизнь — безгранично, всесторонне. Лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью.³ Ничего полезного, нужного, никто оттуда не вынесет, — ни сам заключённый, ни его начальник, ни его охрана, ни невольные свидетели — инженеры, геологи, врачи, — ни начальники, ни подчинённые. Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута.⁴ Там много такого, чего человек не должен знать, не

² Перестать невозможно: значит, они ими и не были. Душа, самое ее ядро, измениться не может. А след в душе, как далее пишет Шаламов, конечно, остаётся: знаю по себе. И след этот бывает на разной глубине и разный. Лично у меня остался след ужаса и отвращения. (— Ред.)

³ С этим утверждением не согласен А. Солженицын и другие бывшие лагерники. И я тоже не согласен, потому что и самого Шаламова, проходившего эту школу познания людей, тем самым (эзотерически, скрыто) готовили к высокой миссии в следующем воплощении. Об этом см. также в нашей публикации о Евгении Гинзбург, тоже прошедшей сталинские лагеря. И она об этом почти догадалась. (— Ред.)

⁴ На плане Физическом — безусловно. Но не на планах Тонких. (— Ред.)

должен видеть, а если видел — лучше ему умереть.

Заключённый приучается там ненавидеть труд — ничему другому и не может он там научиться. Он обучается там лести, лганью, мелким и большим подлостям, становится эгоистом.⁵

Возвращаясь на волю, он видит, что он не только вырос за время лагеря, но что интересы его сузились, стали бедными и грубыми. Моральные барьеры отодвинулись куда-то в сторону.⁶

Оказывается, можно делать подлости и всё же жить. Можно лгать — и жить. Можно обещать и не исполнять обещаний — и всё-таки жить. Можно пропить деньги товарища. Можно выпрашивать милостыню и жить. Попрошайничать и жить. Оказывается, человек, совершивший подлость, не умирает.

Он приучается к лодырничеству, к обману, к злобе на всех и вся. Он винит весь мир, оплакивая свою судьбу.

Он чересчур высоко ценит свои страдания, забывая, что у каждого человека есть своё горе. К чужому горю он разучился относиться

⁵ Но сам-то Варлам Тихонович им ведь не стал... Так что не совсем он тут прав. В лагере — да, никуда не денешься. Но и там можно по возможности этого избегать. А уж вернувшись на волю — тем более, если противно. Сам автор этому пример. (— Ред.)

⁶ Да. Но это временно. (— Ред.)

сочувственно — он просто его не понимает, не хочет понимать.⁷

Скептицизм — это еще хорошо, это еще лучшее из лагерного «наследства».

Он приучается ненавидеть людей.

Он боится — он трус. Он боится повторений своей судьбы — боится доносов, боится соседей, боится всего, чего не должен бояться человек.

Он раздавлен морально. Его представления о нравственности изменились, и он сам не замечает этого.

Начальник приучается в лагере к почти бесконтрольной власти над арестантами., приучается смотреть на себя, как на бога, как на единственного полномочного представителя власти, как на человека «высшей расы».

Конвойный, в руках у которого многократно была жизнь людей и который часто убивал вышедших из «запретной зоны», — что он расскажет своей невесте о своей работе на Дальнем Севере? О том, как бил прикладом винтовки голодных стариков, которые не могли идти?⁸

Молодой крестьянин, попавший в заключение, видит, что в этом аду только урки

⁷ Так не у всех! Многие лагерники (одного такого я знал лично: интеллигентнейший человек) не согласны и с этим утверждением Варлама Тихоновича. (— Ред.)

⁸ Тут Варлам Тихонович, я считаю, увлёкся. Во-первых, невесту себе «он» подберёт такую же, как он сам — это естественно; во-вторых, будучи таковой, она и спрашивать не будет. А если и спросит — он скажет, что «они» были враги народа, а у него была присяга и он не мог не выполнять приказы. Именно так и оправдываются фашисты по натуре — во всём мире, во всех нациях и во все времена. (— Ред.)

живут сравнительно хорошо. С ними считаются, их побаивается всемогущее начальство. Они всегда одеты, сыты, поддерживают друг друга. И крестьянин задумывается. Ему начинает казаться, что правда лагерной жизни — у блатарей, что только подражая им в своём поведении, он встанет на путь реального спасения своей жизни.⁹ Есть, оказывается, люди, которые могут жить и на самом дне. И крестьянин начинает подражать блатарям в своём поведении, в своих поступках. Он поддакивает каждому слову блатарей, готов выполнить все их поручения, говорит о них со страхом и благоговением. Он спешит украсить свою речь блатными словечками — без этих блатных словечек не остался ни один человек мужского или женского пола, заключённый или вольный, — побывавший на Колыме.

Слова эти — отравя, яд, влезающий в душу человека, и именно с овладения блатным диалектом и начинается сближение фраера с блатным миром.

Интеллигент-заключённый подавлен лагерем. Всё, что было дорогим, растоптано в прах, цивилизация и культура слетают с человека в самый короткий срок, исчисляемый неделями.

Аргумент спора — кулак, палка. Средство понуждения — приклад, зуботычина.

⁹ И он, кстати, прав: жизнь, действительно, спасёт. Но душу потеряет. (— Ред.)

Интеллигент превращается в труса, и собственный мозг подсказывает ему оправдание своих поступков. Он может уговорить сам себя на что угодно, присоединиться к любой из сторон в споре. В блатном мире интеллигент видит «учителей жизни», «борцов за народные права».¹⁰ «Плюха», удар, превращает интеллигента в покорного слугу какого-нибудь «Сенечки» или «Костечки». Физическое воздействие становится воздействием моральным.

Интеллигент напуган навечно. Дух его сломлен. Эту напуганность и сломленный дух он приносит и в вольную жизнь.¹¹

Инженеры, геологи, врач, прибывший на Колыму по договорам с Дальстроем — развращаются быстро: «длинный рубль», «закон — тайга», рабский труд, которым так легко и выгодно пользоваться — сужение интересов культурных — всё это развращает, растлевают. Человек, долго проработавший в лагере, не едет на «материк»: там ему грош цена, а он привык к «богатой», обеспеченной жизни. Вот эта развращённость и называется в сервильной литературе «зовом Севера».

В этом растлении человеческой души в значительной мере повинен блатной мир, уголовники-рецидивисты, чьи вкусы и привычки сказываются на всей жизни Колымы.

(продолжение предполагается)

¹⁰ И опять я не могу согласиться с Варламом Тихоновичем: настоящий интеллигент не увидит в блатных никаких «учителей» или «борцов». (— Ред.)

¹¹ И опять: не все! (— Ред.)

Константин Паустовский

Исаак Левитан

От редакции

В ближайших трёх-четырёх номерах, начиная с этого, мы начинаем публиковать небольшую повесть прекраснейшего русского писателя, ныне давно покойного, Константина Паустовского. Новое поколение молодёжи, вырастающее в бескультурье, его почти не знает, и данная публикация стремится хоть как-то заполнить эту ужасающую брешь. Повесть посвящена трагедийной жизни одного из лучших живописцев России — Исаака Левитана. В Государственной Третьяковской галерее картины его выставлены постоянно.

* * *

У художника Саврасова тряслись худые руки. Он не мог выпить стакан чая, не расплескав его по грязной суровой скатерти От седой

неряшливой бороды художника пахло хлебом и водкой.

Мартовский туман лежал над Москвой сизым самоварным чадом. Смеркалось. В жестяных водосточных трубах оттаивал слежавшийся лед. Он с громом срывался на тротуары и раскалывался, оставляя груды синеватого горного хрусталя. Хрусталь трещал под грязными сапогами и тотчас превращался в навозную жижу. Великопостный звон тоскливо гудел над дровяными складами и тупиками старой Москвы — Москвы восьмидесятих годов прошлого века.

Саврасов пил водку из рюмки, серой от старости. Ученик Саврасова Левитан — тощий мальчик в заплатанном клетчатом пиджаке и серых коротких брюках — сидел за столом и слушал Саврасова.

— Нету у России своего выразителя, — говорил Саврасов. — Стыдимся мы еще родины, как я с малолетства стыдился своей бабки-побирушки. Тихая была старушенция, всё моргала красными глазками, а когда померла, оставила мне икону Сергия Радонежского. Сказала мне напоследок: "Вот, внучек, учись так-то писать, чтобы плакала вся душа от небесной и земной красоты". А на иконе были изображены травы и цветы — самые наши простые цветы, что растут по заброшенным дорогам, — и озеро, заросшее осинником. Вот какая оказалась хитрая бабка! Я в то время

писал акварели на продажу, носил их на Трубу мелким барышникам. Что писал — совестно припомнить. Пышные дворцы с башнями и пруды с розовыми лебедями.¹ Чепуха и срам. С юности и до старинных лет приходилось мне писать совсем не то, к чему лежала душа.

Мальчик застенчиво молчал. Саврасов зажег керосиновую лампу. В комнате соседа скорняка защелкала и запела канарейка. Саврасов нерешительно отодвинул пустую рюмку.

— Сколько я написал видов Петергофа и Ораниенбаума — не сосчитать, не перечислить. Мы, нищие, благоговели перед великолепием. Мечты создателей этих дворцов и садов приводили нас в трепет. Куда нам после этого было заметить и полюбить мокрые наши поля, косые избы, перелески да низенькое небо? Куда нам!

Саврасов махнул рукой и налил рюмку водки. Он долго вертел ее сухими пальцами. Водка вздрагивала от грохота кованых дрог, проезжавших по улице. Саврасов воровато выпил.

— Работает же во Франции, — сказал он, поперхнувшись, — замечательный мастер Коро. Смог же он найти прелесть в туманах и серых

¹ Так как наш журнал всё же эзотерический, то не можем не напомнить, что на одном из Высоких Духовных Планов действительно существует пруд с лебедями. Так что этот сюжет вовсе не плох. Подробнее см. у Абд-Ру-Шина. (— *Здесь и далее — прим. ред.*)

небесах, в пустынных водах. И какую прелесть! А мы... Слепые мы, что ли, глаз у нас не радуется свету... Филины мы, филины ночные, — сказал он со злобой и встал. — Куриная слепота, чепуха и срам!

Левитан понял, что пора уходить. Хотелось есть, но полупьяный Саврасов в пылу разговора забыл напоить ученика чаем.

Левитан вышел. Перемешивая снег с водой, шли около подвод и бранились ломовые извозчики. На бульварах хлопья снега цеплялись за голые сучья деревьев. Из трактиров, как из прачечных, било в лицо паром.

Левитан нашел в кармане тридцать копеек — подарок товарищей по Училищу живописи и ваяния, изредка собиравших ему на бедность, — и вошел в трактир. Машина звенела колокольцами и играла "На старой Калужской дороге". Мятый половой, пробегая мимо стойки, оскалился и громко сказал хозяину:

— Еврейчику порцию колбасы с ситным.

Левитан — нищий и голодный мальчик, внук раввина из местечка Кибарты Ковенской губернии — сидел, сгорбившись, за столом в московском трактире и вспоминал картины Коро. Замызганные люди шумели вокруг, ныли слезные песни, дымили едкой махоркой и со свистом тянули желтый кипяток с обсосанных

блюдец. Мокрый снег налипал на черные стекла, и нехотя перезванивали колокола.

Левитан сидел долго, — спешить ему было некуда. Ночевал он в холодных классах училища на Мясницкой, прятался там от сторожа, прозванного "Нечистая сила". Единственный родной человек — сестра, жившая по чужим людям, изредка кормила его и штопала старый пиджак. Зачем отец приехал из местечка в Москву, почему в Москве и он, и мать так скоро умерли, оставив Левитана с сестрой на улице, — мальчик не понимал. Жить в Москве было трудно, одиноко, особенно ему, еврею.

— Еврейчику еще порцию ситного, — сказал хозяину половой с болтающимися, как у петрушки, ногами. — Видать, ихний бог его плохо кормит.

Левитан низко наклонил голову. Ему хотелось плакать и спать. От теплоты сильно болели ноги. А ночь все лепила и лепила на окна пласты водянистого мартовского снега.

В 1879 году полиция выселила Левитана из Москвы в дачную местность Салтыковку. Вышел царский указ, запрещающий евреям жить в "исконной русской столице". Левитану было в то время восемнадцать лет. Лето в Салтыковке Левитан вспоминал потом как самое трудное в жизни.

Стояла тяжелая жара. Почти каждый день небо обкладывали грозы, ворчал гром, шумел от ветра сухой бурьян под окнами, но не выпадало ни капли дождя. Особенно томительны были сумерки. На балконе соседней дачи зажигали свет. Ночные бабочки тучами бились о ламповые стекла. На крокетной площадке стучали шары. Гимназисты и девушки дурачились и ссорились, доигрывая партию, а потом, поздним вечером, женский голос пел в саду печальный романс:

«Мой голос для тебя и ласковый и томный...»

То было время, когда стихи Полонского, Майкова и Апухтина были известны лучше, чем простые пушкинские напевы, и Левитан даже не знал, что слова этого романса принадлежали Пушкину.

Он слушал по вечерам из-за забора пение незнакомки, и он запомнил еще один романс — о том, как "рыдала любовь".

Ему хотелось увидеть женщину, певшую так звонко и печально, увидеть девушек, игравших в крокет, и гимназистов, загонявших с победными воплями деревянные шары к самому полотну железной дороги. Ему хотелось пить на балконе чай из чистых стаканов, трогать ложечкой ломтик лимона, долго ждать, пока стечет с той же ложечки прозрачная нить абрикосового варенья. Ему хотелось хохотать и дурачиться, играть в горелки, петь до полночи, носиться на

гигантских шагах и слушать взволнованный шепот гимназистов о писателе Гаршине, написавшем рассказ "Четыре дня", запрещенный цензурой. Ему хотелось смотреть в глаза поющей женщины, — глаза поющих всегда полужакрыты и полны печальной прелести.

Но Левитан был беден, почти нищ. Клетчатый пиджак протерся вконец. Юноша вырос из него. Руки, измазанные масляной краской, торчали из рукавов, как птичьи лапы. Всё лето Левитан ходил босиком. Куда было в таком наряде появляться перед веселыми дачниками!

И Левитан скрывался. Он брал лодку, заплывал на ней в тростники на дачном пруду и писал этюды, — в лодке ему никто не мешал.

Писать этюды в лесу или в полях было опаснее. Здесь можно было натолкнуться на яркий зонтик щеголихи, читающей в тени берез книжку Альбова, или на гувернантку, кудахчущую над выводком детей. А никто не умел презирать бедность так обидно, как гувернантки.

Левитан прятался от дачников, тосковал по ночной певунье и писал этюды. Он совсем забыл о том, что у себя, в Училище живописи и ваяния, Саврасов прочил ему славу Коро, а товарищи — братья Коровины и Николай Чехов — всякий раз затевали над его картинами споры о прелести настоящего русского пейзажа. Будущая слава Коро тонула без остатка в обиде

на жизнь, на драные локти и протертые подметки.

Левитан в то лето много писал на воздухе. Так велел Саврасов. Как-то весной Саврасов пришел в мастерскую на Мясницкой пьяный, в сердцах выбил пыльное окно и поранил руку.

— Что пишете! — кричал он плачущим голосом, вытирая грязным носовым платком кровь. — Табачный дым? Навоз? Серую кашу?

За разбитым окном неслись облака, солнце жаркими пятнами лежало на куполах, и летал обильный пух от одуванчиков, — в ту пору все московские дворы зарастали одуванчиками.

— Солнце гоните на холст — кричал Саврасов, а в дверь уже неодобрительно поглядывал старый сторож — "Нечистая сила". — Весеннюю теплынь прозевали! Снег таял, бежал по оврагам холодной водой, — почему не видел я этого на ваших этюдах? Липы распускались, дожди были такие, будто не вода, а серебро лилось с неба, — где всё это на ваших холстах? Срам и чепуха!

Со времени этого жестокого разноса Левитан начал работать на воздухе. Вначале ему было трудно привыкнуть к новому ощущению красок. То, что в прокуренных комнатах представлялось ярким и чистым, на

воздухе непонятным образом жухло, покрывалось мутным налетом.

Левитан стремился писать так, чтобы на картинах его был ощутим воздух, обнимающий своей прозрачностью каждую травинку, каждый лист и стог сена. Всё вокруг казалось погруженным в нечто спокойное, синеющее и блестящее. Левитан называл это нечто воздухом. Но это был не тот воздух, каким он представляется нам. Мы дышим им, мы чувствуем его запах, холод или теплоту. Левитан же ощущал его как безграничную среду прозрачного вещества, которое придавало такую пленительную мягкость его полотнам.

Лето кончилось. Все реже был слышен голос незнакомки. Как-то в сумерки Левитан встретил у калитки своего дома молодую женщину. Ее узкие руки белели из-под черных кружев. Кружевами были оторочены рукава платья. Мягкая туча закрыла небо. Шел редкий дождь. Горько пахли цветы в палисадниках. На железнодорожных стрелах зажгли фонари.

Незнакомка стояла у калитки и пыталась раскрыть маленький зонтик, но он не раскрывался. Наконец он раскрылся, и дождь зашуршал по его шелковому верху. Незнакомка медленно пошла к станции. Левитан не видел ее лица, — оно было закрыто зонтиком. Она тоже не видела лица Левитана, она заметила только его босые грязные ноги и подняла зонтик, чтобы не зацепить Левитана. В неверном свете он

увидел бледное лицо. Оно показалось ему знакомым и красивым.

Левитан вернулся в свою каморку и лег. Чадила свеча, гудел дождь, на станции рыдали пьяные. Тоска по материнской, сестринской, женской любви вошла с тех пор в сердце и не покидала Левитана до последних дней его жизни.

Этой же осенью Левитан написал "Осенний день в Сокольниках". Это была первая его картина, где серая и золотая осень, печальная, как тогдашняя русская жизнь, как жизнь самого Левитана, дышала с холста осторожной теплотой и щемила у зрителей сердце.

По дорожке Сокольнического парка, по ворохам опавшей листвы шла молодая женщина в черном — та незнакомка, чей голос Левитан никак не мог забыть. "Мой голос для тебя и ласковый и томный..." Она была одна среди осенней рощи, и это одиночество окружало ее ощущением грусти и задумчивости.

"Осенний день в Сокольниках" — единственный пейзаж Левитана, где присутствует человек, и то его написал Николай Чехов. После этого люди ни разу не появлялись на его полотнах. Их заменили леса и пажити, туманные разливы и нищие избы России, безгласные и одинокие, как был в то время безгласен и одинок человек.

Годы учения в Училище живописи и ваяния окончились. Левитан написал последнюю,

дипломную работу — облачный день, поле, копны сжатого хлеба.

Саврасов мельком взглянул на картину и написал мелом на изнанке: "Большая серебряная медаль".

Преподаватели училища побаивались Саврасова. Вечно пьяный, задиристый, он вел себя с учениками, как с равными, а напившись, ниспровергал всё, кричал о бесталанности большинства признанных художников и требовал на холстах воздуха, простора.

Неприязнь к Саврасову преподаватели переносили на его любимого ученика — Левитана. Кроме того, талантливый еврейский мальчик раздражал иных преподавателей. Еврей, по их мнению, не должен был касаться русского пейзажа, — это было делом коренных русских художников. Картина была признана недостойной медали. Левитан не получил звания художника, ему дали диплом учителя чистописания.

С этим жалким дипломом вышел в жизнь один из тончайших художников своего времени, будущий друг Чехова, первый и еще робкий певец русской природы.

На сарае в деревушке Максимовке, где летом жил Левитан, братья Чеховы повесили вывеску: "Ссудная касса купца Исаака Левитана". Мечты о беззаботной жизни, наконец, сбылись. Левитан сдружился с художником Николаем Чеховым, подружился с чеховской семьей и прожил три

лета рядом с нею. В то время Чеховы проводили каждое лето в селе Бабкине около Нового Иерусалима.

Семья Чеховых была талантливой, шумной и насмешливой. Дурачествам не было конца. Каждый пустяк, даже ловля карасей или прогулка в лес по грибы, разрастался в веселое событие. С утра за чайным столом уже начинались невероятные рассказы, выдумки, хохот. Он не затихал до позднего вечера. Каждая забавная человеческая черта или смешное слово подхватывались всеми и служили толчком для шуток и мистификаций.

Больше всех доставалось Левитану. Его постоянно обвиняли во всяческих смехотворных преступлениях и, наконец, устроили над ним суд. Антон Чехов, заgrimированный прокурором, произнес обвинительную речь. Слушатели падали со стульев от хохота. Николай Чехов изображал дурака-свидетеля. Он давал сбивчивые показания, путал, пугался и был похож на чеховского мужичка из рассказа "Злоумышленник", — того, что отвинтил от рельсов гайку, чтобы сделать грузило на шелеспера. Александр Чехов — защитник — пропел высокопарную актерскую речь.

Особенно попадало Левитану за его красивое арабское лицо. В своих письмах Чехов часто упоминал о красоте Левитана. "Я приеду к вам, красивый, как Левитан", — писал он. "Он был томный, как Левитан".

Но имя Левитана стало выразителем не только мужской красоты, но и особой прелести русского пейзажа. Чехов придумал слово "левитанистый" и употреблял его очень метко.

"Природа здесь гораздо левитанистее, чем у вас", — писал он в одном из писем. Даже картины Левитана различались, — одни были более левитанистыми, чем другие.

Вначале это казалось шуткой, но со временем стало ясно, что в этом веселом слове заключен точный смысл — оно выражало собою то особое обаяние пейзажа средней России, которое из всех тогдашних художников умел передавать на полотне один Левитан.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

РАГОН, Жан Французский масон, выдающийся писатель и великий символист, пытавшийся вернуть масонству его первоначальную чистоту. Он родился в Брюгге в 1789 г., совсем еще мальчиком был принят в Ложу и Капитул "Vrais Amis", и, переехав в Париж, основал Общество Тринософов. Говорят, что он был хранителем множества документов, переданных ему знаменитым графом де Сен Жерменом, из которых он черпал все свои замечательные знания по раннему Масонству. Он умер в Париже в 1866 г., оставив множество книг, написанных им, и манускриптов, которые он завещал "Великому Востоку". Из всего количества опубликованных трудов доступны очень немногие, остальные же полностью исчезли. Это благодаря таинственным людям (полагают, иезуитам), поспешившим скупить все издания, какие только они могли найти после его смерти. Короче говоря, его труды сейчас исключительная редкость.

РАХАСЬЯ (Санскр.) Название Упанишад. Букв., сокровенная сущность знания.

РАХАТ То же, что "Архат"; адепт, который - приобретением божественного знания и сил - становится совершенно свободным от всех желаний на этом плане.

РА'ХМИН СЕТ (Евр.) Согласно Каббале (или Qabbalah), "души-искры", содержащиеся в Адаме (Кадмоне), вошли в три истока, верховьями которых были его три сына. Таким образом, тогда как "душа-искра" (или Эго), называемая Хезед, вошла в Авеля, и Гебур-а - в Кай-ин (Каина), Ра'хмин вошел в Сета, и эти три сына были разделены на семьдесят человеческих родов, называемых "основными корнями человеческой расы".

РАХУЛ (Санскр.) Дайтья (демон), нижняя часть которого была подобна хвосту дракона. Он сделался бессмертным, похитив у богов немного Амриты - эликсира божественной жизни - ради которой они пахтали океан молока. Не будучи способным лишить Раху его бессмертия, Вишну изгнал его из земли и превратил в созвездие Дракона, причем голову его называют Раху, а хвост - Кету; астрономически - восходящие и нисходящие точки пересечения орбит. Вместе с этим придатком он с тех пор постоянно ведет войну с раскрывшими его воровство - солнцем и луной, и, говорят, проглатывает их (во время затмений). Конечно, легенда эта имеет мистическое и оккультное значение.

РАХУЛА (Санскр.) Имя сына Готамы Будды.

РАЙМБХЬИ (Санскр.) Класс богов в пятой Манвантаре.

РАЙВАТА МАНВАНТАРА (Санскр.) Цикл жизни, возглавляемый Райвата Ману. Поскольку он пятый из четырнадцати Ману (в Эзотеризме - Дхиан-Коганов), а существуют семь коренных и семь семенных Ману для семи Кругов нашей земной цепи глобусов (см. А.П. Синнетт, "Эзот. Буддизм" и "Тайная Доктрина", т. I, "Хронология Браминов"), то правил Райвата третьим Кругом и был его коренным Ману.

РАДЖА (Санскр.) Принц или Царь в Индии.

РАДЖАГРИХА (Санскр.) Город в Магадхе, известный своим обращением в Буддизм в дни буддийских царей. Он был их резиденцией, с Бимбисары до Ашоки, и был местом проведения первого Синода или буддийского Собора, состоявшегося в 510 г. до Р.Х.

РАДЖАРШИ (Санскр.) Цари-Риши или Цари-Адепты, один из трех классов Риши в Индии; то же, что Цари-Иерофанты древнего Египта.

РАДЖАС (Санскр.) "Свойство загрязненности" (т.е. дифференциации), и активности в "Пуранах". Одна из трех Гун или делений во взаимоотношениях материи и природы, представляющая форму и изменчивость.

РАДЖАСЫ (Санскр.) Старшие Агнишватты - Питри Огня, "огонь" являясь символом просвещенности и разума.

РАДЖА-ЙОГА (Санскр.) Истинная система развития психических и духовных сил и единения со своим Высшим Я - или Верховным Духом, как его называют непосвященные. Упражнение, управление и сосредоточение мысли. Раджа-Йога противопоставляется Хатха-Йоге, физической или психофизиологической тренировке в аскетизме.

РАКА (Санскр.) День полнолуния; день для оккультной практики.

РАКША (Санскр.) Амулет, приготовленный во время полной луны или новолуния.

РАКШАСЫ (Санскр.) Букв., "едоки сырого", а в народном суеверии - злые духи, демоны. Однако, эзотерически, они суть гибборим

(великаны) Библии, Четвертая Раса или Атланты. (См. "Тайная Доктрина", II, 209.)

РАКШАСИ-БХАША (Санскр.) Букв., язык ракшасов. В действительности - речь атлантов, наших гигантских предков четвертой Коренной расы.

РАМ МОХАМ РОЙ Известный индийский реформатор, который переехал в 1833 г. в Англию и там скончался.

РАМА (Санскр.) Седьмой аватар или воплощение Вишну; старший сын царя Дашаратха из Солнечной Расы. Его полное имя Рама-Чандра, и он герой "Рамаяны". Он женился на Сите, которая была женским аватаром Лакшми, жены Вишну, и была похищена Раваной, царем демонов Ланки, вследствие чего разразилась знаменитая война.

РАМАЯНА (Санскр.) Знаменитый эпос, сравнимый с "Махабхаратой". Создается впечатление, что этот эпос или был первоисточником "Илиады" или наоборот, за исключением того, что в "Рамаяне" союзниками Рамы являются обезьяны под водительством Ханумана, и огромные птицы и другие звери, которые все сражаются против ракшасов или демонов и великанов Ланки.

РАСА (Санскр.) Обрядовый танец, исполняемый Кришной и его гопи, пастушками, в ежегодных празднествах, проходящих и по сей день, особенно в Раджастане. Астрономически это Кришна - Солнце - вокруг которого вращаются планеты и знаки Зодиака, которых символизируют гопи. То же, что и "хоровод" амазонок вокруг приапического образа, и танец дочерей Силомских ("Книга Судей", XXI), и также танец Царя Давида вокруг ковчега. (См. "Раз. Изида", II, с. 52, 384 и 385.)

РАШИ (Санскр.) Астрологическое деление, шестое, относящееся к Канья (Деве), шестому знаку Зодиака.

РАШИ-ЧАКРА (Санскр.) Зодиак.

РАСИТ (Евр.) Мудрость.

РАСОЛЛАСА (Санскр.) Первое из восьми физических совершенств, или Сиддхи (феноменов), хатха йогов. Расолласа есть немедленное

выделение секретов тела по желанию, независимо от какой-либо пищи извне.

РАСШУ (Египет.) Солнечные огни, образованные в и из предвечных "вод", или субстанции, Пространства.

РАТНАВАБХАСА КАЛЬПА (Санскр.) Век, в котором исчезнут все половые различия, и рождение будет происходить по способу Анупадака, как было во второй и третьей Коренных расах. Эзотерическая философия учит, что это произойдет в конце шестой и во время седьмой и последней Коренной расы этого Круга.

РАТРИ (Санскр.) Ночь; то тело, в которое облекся Брами для создания ракшасов или так называемых великанов-демонов.

РАУМАСЫ (Санскр.) Класс дэв (богов), которые, якобы, произошли из пор кожи Верабхадры. Намек на пред-адамическую расу, называемую "потом-рожденную". ("Тайная Доктрина", т. II.)

РАВЕЛЬ Настоящее имя основателя современного спиритизма во Франции, который более известен под псевдонимом Аллан Кардек.

РАВАНА (Санскр.) Царь демонов (ракшасов), Властитель Ланки (Цейлона), который похитил Ситу, жену Рамы, что привело к великой войне, описанной в "Рамаяне".

РАВИ (Санскр.) Одно из названий Солнца.

РЕЧАКА (Санскр.) Упражнение в Хатха Йоге во время совершения пранаямы или управления дыханием: а именно, выдох через одну открытую ноздрю, держа другую закрытой; одно из трех упражнений, называемых соответственно Пурака, Кумбхака и Речака - упражнений, очень вредных для здоровья.

КРАСНЫЙ ЦВЕТ Этот цвет всегда связывается с особенностями мужского рода, особенно у этрусков и индусов. В еврейском языке это Адам, то же слово, что и для обозначения "земли" и "первого человека". По-видимому, почти все мифы представляют первого совершенного человека белым. То же слово без начального А есть Дам или Дем, что означает Кровь - тоже красного цвета.

Цвет четвертого Принципа в человеке - Кама, престола желаний - изображается красным.

РЕИНКАРНАЦИЯ Учение о перевоплощении, в которое верил Иисус и апостолы, так же как и все люди тех дней, но которое теперь отрицается христианами. Все египтяне, обращенные в Христианство, Отцы Церкви и другие, верили в эту доктрину, как показывают труды некоторых из них. Во все еще существующих символах, птица с головой человека, летящая по направлению к мумии, телу, или "душа", соединяющаяся со своим сахоу (окруженное ореолом тело Эго, а также камалокская оболочка), подтверждает это верование. "Песнь Воскрешения", которую поет Изида, чтобы возратить своего мертвого супруга к жизни, можно перевести как "Песнь Перевоплощения", так как Озирис есть коллективное Человечество. "О! Озирис (здесь следует имя Озирифицированной мумии или умершего), воскресни вновь в святой земле (материи), превышняя мумия в гробу, в своих телесных субстанциях", - такова была траурная молитва жреца над покойником. У египтян "Воскресение" никогда не означало воскресение изувеченной мумии, но Души, которая ее оживляла, воскресение Эго в новом теле. То, что Душа или Эго периодически облекается в плоть, было всемирным верованием; также ничто не может быть в большем согласии со справедливостью и кармическим законом. (См."Предсуществование".)

РЕК-ГЕТ-АМЕН (Египет.) Название жрецов, иерофантов и учителей Магии, которые, согласно Ленорману, Масперо, Шампольонам и т.д., и т.д., "могли подниматься на воздух, ходить по нему, жить под водой, выдерживать большое давление, безболезненно переносить увечья, читать в прошлом, предсказывать будущее, делаться невидимыми и излечивать болезни" (Бонвик, "Religion of Magic"). И тот же автор добавляет: "Допущение к мистериям не наделяло магическими силами. Они зависели от двух обстоятельств: наличия врожденных способностей и знания определенных формул, применяемых при подходящих обстоятельствах". Точно так же обстоит дело и теперь.

РЕФАИМ (Евр.) Призраки, фантомы. ("Тайная Доктрина", II, 349.)

РЕША-АВУРА (Евр., Кабб.) Букв., "Белая Голова", из которой течет огненный флюид жизни и разума в триста семьдесят потоков, по всем направлениям Вселенной. "Белая Голова" есть первая Сефира, Венец или первый активный свет.

РЕЙХЛИН, Джон. Прозванный "Отцом Реформации"; друг Пико делла Мирандола, учитель и наставник Эразма, Лютера и Меланктона. Он был выдающимся каббалистом и оккультистом.

РИГ ВЕДА (Санскр.) Первая и самая значительная из четырех "Вед". По преданию была "сотворена" из Восточных уст Брамь; в Оккультизме - поведена великим мудрецам на берегу озера Ман(а)саравара по ту сторону Гималаев, десятки тысяч лет тому назад.

РИК (Санскр.) Стих "Риг-Веды".

РИКША (Санскр.) Каждое из двадцати семи созвездий, образующих Зодиак. Любая неподвижная звезда или созвездие.

РИММОН (Евр.) Гранат, символ плодородия; встречается в Ветхом Завете; фигурирует в сирийских храмах и обожествлялся там, как знак плодородной небесной матери всего; также символ набухшей утробы.

КОЛЬЦА МАГИЧЕСКИЕ В качестве талисманов они существовали в фольклоре каждого народа. В Скандинавии подобные кольца всегда связывались с эльфами и гномами, которые считались обладателями талисманов и иногда давали их тем людям, которых они желали защитить. Со слов летописца: "Эти магические кольца приносили их обладателю счастье до тех пор, пока тщательно сохранялись; но потеря их сопровождалась ужасными несчастьями и невыразимым страданием".

КРУГИ И ЦИКЛЫ Термины, применяемые теософами при объяснении Восточной космогонии. Они используются для обозначения различных эволюционных циклов в Элементальном, Минеральном и т.п., Царствах, через которые Монада проходит на каждом отдельном глобусе; термин Цикл применяется только для обозначения циклического пути Монады вокруг всей цепи семи глобусов. Вообще говоря, теософы применяют термин круг как синоним циклов, или космических, геологических, метафизических, или любых других.

РИФЕЙ (Греч.) В мифологии - горная цепь, на которой дремал бог снегов и бурь, бог с застывшим сердцем. В Эзотерической философии - реальный доисторический континент, который из тропической, вечно солнечной страны теперь превратился в пустынную область за Арктическим Кругом.

РИШАБХА (Санскр.) Некий мудрец, считается первым учителем доктрин Джайна в Индии.

РИШАБХАМ (Санскр.) Знак Зодиака - Телец.

РИШИ-ПРАДЖАПАТИ (Санскр.) Букв., "раскрыватели", святые мудрецы в религиозной истории Арьяварты. Эзотерические высочайшие из них являются Иерархиями "Строителей", Архитекторами Вселенной и всего живого на земле; обычно их называют Дхиан-Коганами, Дэвами и богами.

РИШИ (Санскр.) Адепты; вдохновленные. В ведийской литературе этот термин используется для обозначения тех, через которых были раскрыты различные Мантры.

РИ-ТЛЕН Букв., "содержание змей". Страшная разновидность колдовства, практикуемая в Черрапунджи в Кхаси-Хилз. Первая является древней столицей последней. Как повествует легенда: века тому назад, тлен (змей-дракон), обитавший в пещере и пожиравший людей и домашних животных, был убит местным Св. Георгием и расчленен, причем каждая часть была послана в свой округ для сожжения. Но кхасы свою часть сохранили и сделали ее своего рода домашним богом, а их потомки сделались ри-тленами, или "содержателями змей", так как часть, ими сохраненная, превратилась в дракона (тлен) и с тех пор определенные семьи браминов этого округа постоянно находятся под его одержанием. Чтобы приобрести расположение своего тлена и сохранить собственные жизни, эти "содержатели" часто должны убивать женщин и детей, которым они отрезают ногти рук и ног, которые приносят своему тлену, предаваясь, таким образом, многочисленным деяниям черной магии, связанным с колдовством и некромантией.

РОДЖЕР БЭКОН Широко известный францисканский монах, живший в тринадцатом веке в Англии. Он был алхимиком, твердо верившим в существование Философского Камня, выдающимся механиком, химиком, физиком и астрологом. В своем трактате "Удивительная Сила Искусства и Природы" он намекает на черный порох и предсказывает использование пара как движущей силы, кроме того, он описывает гидравлический пресс водолазный колокол и калейдоскоп. Он также изготовил знаменитую медную голову, оснащенную акустическим аппаратом, которая вещала прорицания.

РО и РУ (Египет.) Врата или отверстие, то место в небесах, откуда произошел или был рожден первичный свет; синоним "космической утробы".

РОХИНИЛА (Санскр.) Древнее название монастыря, посещенного Буддой Шакьямуни теперь называется Ройналлах, близ Балгады в Восточном Бихаре.

РОХИТ (Санскр.) Олениха, лань; форма, которую приняла Вак (женский Логос и женский аспект Браммы, сотворившего ее из половины своего тела), чтобы спастись от любовных домогательств своего "отца", который для этой цели превратился в самца, красного оленя (цвет Браммы - красный).

РОХИТАКА СТУПА (Санскр.) "Красная ступа", или дагоба возведенная Царем Ашокой, на которой майтрибала-раджа кормил умирающих от голода якш своей кровью. Якши - это безобидные демоны (элементарии), называемые пинья-джаны, или "добрыми людьми".

РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ (Мас.) Это имя впервые было дано ученикам ученого Адепта по имени Христиан Розенкрейц, который жил в Германии около 1460 г. Он основал Орден изучающих мистику, раннюю историю которого можно найти в немецком труде "Fama Fraternitatis" (1614), изданном на нескольких языках. Члены Ордена сохраняли секретность, но с тех пор их следы обнаруживаются в разных местах каждые полвека. "Societfs Rosicruciana in Anglia" является масонским орденом, принимающим "внешних" членов; Хабрат Зере Аур Бохер, или Орден который имеет весьма полную схему посвящения в Каббалу и Высшую Магию Западного или Герметического толка и принимает членов обеих полов, является прямым потомком средневековых братств розенкрейцеров, которые произошли от египетских Мистерий.

РОСТАН Книга Мистерий Ростана; рукописный оккультный труд.

РОУХАНИ (Егип.) или Эр-Рухани. Магия современного Египта, якобы происшедшая от Ангелов и Духов, то есть Гениев, и с помощью таинственных имен Аллаха; различают два вида - Илви, то есть Высшую или Белую Магию; и Суфли и Шейтани, Низшую или Черную Демоническую Магию. Еще существует Эс-Симудж, что есть жульничество или фокусничество. Мнения расходятся по поводу значительности ответвления Магии, называемого Дарб эл Мандел, или, как Баркер именует его по-английски, Мендал - некая форма искусственного ясновидения, являемая мальчиком до половой зрелости, или девственницей, которая, в результате самогипноза, вызванного сосредоточием на чашке с чернилами в руке, и определенным курением фимиама и заклинаниями, видит определенные

сцены реальной жизни, проходящие по ее поверхности. Многие восточные путешественники приводили такие примеры, как например, Э.У.Лейн в своих книгах "Современные египтяне" и "Тысяча и одна ночь", и Э.Б.Баркер; подобные эпизоды приведены также во многих художественных произведениях, как например, "Призрачном Корабле" Марьята; схожая мысль вплетена в повесть о Розмари и камне Бериле в поэме Розетти. Поверхностную попытку объяснить это см. "Quarterly Review", N 117.

РУАХ (Евр.) Воздух, также Дух; Дух, один из "принципов человека" (Буддхи-Манас).

РУАХ ЭЛОХИМ (Евр.) Дух богов; соответствует Святому Духу христиан. Также ветер, дыхание и текущая вода.

РУДРА (Санскр.) Титул Шивы, Разрушителя.

РУДРЫ (Санскр.) Могущественные; владыки трех верхних миров. Один из классов "павших" или воплощающихся духов; все они рождены от Браммы.

РУНЫ (Сканд.) Рунический язык и письмо являются сокровенным или жреческим языком и алфавитом древних скандинавов. Руны - производное от слова руна (тайна). Поэтому ни этот язык, ни письмо не могут быть поняты или истолкованы, если не обладать ключом к этому. Поэтому, в то время как записанные руны, состоящие из шестнадцати букв, известны, - древние, составленные из знаков и символов - не поддаются расшифровке. Их называют магическими буквами. "Ясно", - говорит Э.У.Ансон, авторитет по фольклору скандинавов, "что по различным причинам руны даже в самой Германии считались полными тайн и обладающими сверхъестественными силами". По преданию, их изобрел Один.

РУПА (Санскр.) Тело; любая форма, относится даже к формам богов, которые для нас субъективны.

РУТА (Санскр.) Название одного из последних островов Атлантиды, который погиб за века до Посейдониса, "Атлантида" Платона.

РУТЫ (Санскр.) Древний народ, живший на вышеупомянутом острове или континенте в Тихом Океане.

S

S. - Девятнадцатая буква; численно - шестьдесят. В еврейском языке она пятнадцатая буква, Самех, почитаемая как священная, ибо "сокровенное имя бога есть Самех". Ее символы - опора, или столб, и фаллическое яйцо. В оккультной геометрии она представлена как круг с крестом. В Каббале "деления Ган-Эдена, или рая" разделены подобно этому.

СА или ХЭА (Халд.) Синтез семи Богов в вавилонской мифологии.

ШАБАЛАШВЫ (Санскр.) Сыны Дакши ("Тайная Доктрина", II, 344).

САБАО (Греч.) Гностическое имя гения Марса.

САВАОФ (Евр.) Армия или воинство, от Saba - идти на войну; отсюда и название сражающегося бога - "Владыка Саваоф".

ШАБДА (Санскр.) Слово, или Логос.

ШАБДА БРАХМАН (Санскр.) "Непроявленный Логос." "Веды"; "Эфирные Вибрации, рассеянные по всему Пространству".

САБХА (Санскр.) Собрание; место для собраний, общественных или политических. Также Махасабха, "сверток чудесных (майавических или иллюзорных) вещей", дар Майасура Пандавам ("Махабхарата").

САБЕИЗМ Религия древних халдеев. Последние, веря в единый безличный, универсальный, божественный Принцип, никогда не упоминали Его, но поклонялись солнечным, лунным и планетарным богам и владыкам, рассматривая звезды и другие небесные тела как их соответствующие символы.

САБЕЯНЕ Так называемые астролатры; те, кто поклонялись звездам или, вернее, их "правителям". (См. "Сабеизм".)

САЧА КИРИЯ (Санскр.) У буддистов сила, схожая с магическим

мантрамом браминов. Это чудесная энергия, которую может применять любой адепт, все равно, жрец или мирянин, и "наиболее действенная, когда сопровождается бхаваной" (медитацией). Она заключается в перечислении своих "благих дел, совершенных в этом или каком-либо предыдущем рождении" - как считает и излагает это Преп. м-р Харди, но на самом деле зависит от напряжения воли, добавленного к абсолютной вере в свои собственные силы, либо от йоги - проявления воли - либо от молитвы, как в случае мусульман и христиан. Сача означает "истинный", а Кириянг - "действие". Это сила заслуг, или святой жизни.

САКРАРИУМ (Лат.) Название комнаты в домах древних римлян, в которой находилось то особое божество, которому поклонялась семья; также святая святых храма.

СВЯЩЕННОЕ СЕРДЦЕ В Египте - сердце Гора; в Вавилоне - бога Бэла; и растерзанное сердце Вакха в Греции и других местах. Его символом служила perseae. Грушеподобные контуры ее плода и, особенно, ее сердцевины по форме напоминают сердце. Он иногда встречается на голове Изиды; матери Гора, причем плод разрублен и сердцеподобная середина выставлена на всеобщее обозрение. Отсюда римские католики заимствовали поклонение "священному сердцу" Иисуса и Девы Марии.

СВЯЩЕННАЯ НАУКА Название, данное внутренней эзотерической философии, тайнам, которые в древности преподавались посвященным кандидатам, и провозглашались Иерофантами во время последнего и высшего Посвящения.

САДАКАЙРУПА (Санскр.) Сущность неизменной природы.

САДУКЕИ Секта последователей некоего Задок, ученика Антигона Сакхо. Их обвиняют в отрицании бессмертия (личной) души и воскресения (физического и личного) тела. То же делают и теософы; хотя они не отрицают ни бессмертия Эго, ни воскресения всех его многочисленных и последовательных жизней, которые сохраняются в памяти Эго. Но вместе с саддукеями - сектой ученых философов, которые для всех остальных евреев были тем же, чем изысканные и образованные гностики являлись для прочих греков в первые столетия нашей эры - мы решительно отрицаем бессмертие животной души и воскресение физического тела. Саддукеи были учеными и образованными людьми Иерусалима, и занимали высшие должности, как например, верховных жрецов и судей, тогда как фарисеи почти с начала и до конца были Пекснифами Иудеи.

САДХЬИ (Санскр.) Одно из названий "двенадцати великих богов", сотворенных Брамой. Космические боги; "божественные жертвователи". Садхьи имеют большое значение в Оккультизме.

САДИК. То же, что библейский Мельхиседек, который мистическими поклонниками Библии отождествлен с Иеговой, и Иисусом Христом. Но так как идентичность Отца Садика с Ноем доказана, то его можно далее отождествить с Кроносом-Сатурном.

САФЕК (Егип.) Пишется также Sedek и Sedakh, бог тьмы и ночи, его символ - крокодил. В легенде о Тифоне и его метаморфозах он есть то же, что Тифон. Он связан как с Озирисом, так и с Гором, и является их неистовым врагом на земле. Он часто встречается под названием "тройной крокодил". В астрономии он то же, что Макара или Козерог, самый таинственный из знаков Зодиака.

САГА (Санскр.) Богиня, поющая о подвигах богов и героев", и которой черные вороны Одина открывают историю Прошлого и Будущего в древнескандинавской "Эдде".

САГАРА (Санскр.) Букв., "Океан"; царь, отец 60 000 сыновей, которые, за непочтение, выказанное мудрецу Капиле, были испепелены одним-единственным взглядом последнего.

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ТВЕРДО

Вот тесть опять поближе подсел, рот открыл и спрашивает:

- Не пришли ли мысли какие неподходящие?..

А Бенедикт осмелел и сказал:

- Ага. Пришли.

Тесть обрадовался!

- Ну-ка, ну-ка, послушаем!

- А вот что вы за книгу-то мне совали давеча? Когда я свататься-то приходил?

- А ты почему знаешь, что это книга?

- Да уж знаю.

- А откуда? Показывал кто?

- Может, и показывал.

- А кто?

- А что за книга-то?

- Нет, а кто показывал?

Бенедикт думал сказать, но не решился: мало ли...

- А вы не спрашивайте, а почитать дайте.

- А ты скажи, кто показывал.

- А у нас дома была, - сказал Бенедикт, и даже не соврал.

- А где ж она?

- Сожгли. Тятя сжег.

- А зачем?

- А чтоб Болезни не было, тьфу, тьфу, тьфу.

Тесть подумал, глазами посветил, ногами поскреб.

- Вот то-то народ вы отсталый. Отсталый народ...

- Почему это мы отсталый?.. Указы выполняем. Научные достижения все перенимаем: коромысло, часы солнечные. Гвозди.

- А потому отсталый, что дальше своего носа ничего не видите, - объяснил тесть, - и государственного подхода к общественным процессам не проникаете.

Бенедикт немного приуныл: это верно, государственный подход ему плохо давался. Пока не пришлют в Указе разъяснения, он государственного подхода к делам не проникал, понимал по-простому. Когда растолкуют, - тогда да, тогда проникал. А государственный подход, - он всегда с вывертом: ты думаешь, надо так толковать, - а нет, толковать надо не так, а эдак. Сам нипочем не догадаешься.

- Вот и на Болезнь, - продолжал тесть, - у вас взгляд неправильный.

- Я слышал, - осторожно сказал Бенедикт, - что это традиция.

- Какая традиция?

- А лечить. Что раньше от книг радиация была, вот и лечили, у кого книга. А теперь двести лет прошло, так это уж все равно. Такая традиция. Я слышал.

Тесть сильно свет глазами пустил. Скребанул по полу, чуть половицу не выворотил.

- Бенеди-и-икт! Иди сюда, любиться будем! - позвала Оленька из соседней горницы.

- Лежи, жди! - прикрикнул тесть. - У нас разговор служебный! Мировоззренческий!.. Стало быть, так... Не в книгах Болезнь, мил человек, а в головах.

- Вроде насморка?

- Хуже. Вот ты говоришь: гвозди. Хорошо. Раньше гвоздей не знали, так?

- Так.

- Что ж, без гвоздей лучше было, что ли?

Бенедикт подумал.

- Хуже было.

- Верно. Стало быть, раньше было хуже. А теперь лучше. Улавливаешь?

- Вроде улавливаю.

- А еще раньше - еще хуже. А допрежь всего - вообще Взрыв. Это что же, хорошее дело, как по-твоему?

- Не приведи Господь!

- Ну вот. Стало быть, двигаться нам надо куда? - вперед. Ты когда по улице идешь, разве пятиться станешь? Нет, ты вперед глядеть будешь. Для чего и глаза на лбу, а не на зад, верно? Природа нам указание делает.

- Верно, - признал Бенедикт.

- Только вперед, и никак иначе. А я вот, к примеру, как я есть Главный Санитар, буду путь освещать. - И пустил луч, как все равно луна взошла. - Теперь прояснение наступило?

- Нет, - сказал Бенедикт.

- Опять нет. Ну что ты будешь делать... Ну хорошо. Отсталость, - объяснил тесть, - в обществе большая. А человек человеку - брат. Ну-к, может брат брату не подмочь? Кто он после этого будет? Плохой человек, михрютка! Подмочь, подправить - это первое дело. А то некоторые как рассуждают: моя хата с краю. Хорошо это?

- Вроде нехорошо. Это мараль.

- Верно. А как подмочь?

- Не знаю.

- А ты подумай.

- Ну, не знаю... Накормить?

- Хэ! Рассудил! Да ведь если кормить да кормить, да кормить да кормить, так людишки и работать бросят. Один ты работать и будешь, на них стараться. А ну как у тебя еда вся выйдет? Где новую взять? Откуда ж еда, если никто не работает? Нет! Думай еще.

Бенедикт стал думать: как подмочь брату. Правда, у него брата не было, и думать было несподручно. Представлялся кто-то докучный, долговязый: сидит будто на тубарете и нудит: "Бра-а-ат... Помога-а-ай... Помога-а-ай, бра-а-ат..." И не захочешь, а по шее дашь.

- Может, постеречь чего? Пока он там ходит?

- Ага. Вот и стой столбом до вечера. А он тем временем - по бабам.

Бенедикт рассердился на брата: вот ведь стервец! Что же ему надо-то?

- Сдаешься, - покачал головкой тесть. - Ну ладно. Вот давай мы с тобой так рассудим. Ты репу сажил?

- Сажил.

- Сажил. Хорошо. Стало быть, технику знаешь: посадишь репу и ждешь. Ждешь ты, скажем, репу, - а не знам чего вырастет. Половина - репа, половина - сорная трава. Ты траву полол?

- Полол.

- Ладно. Значит, знаешь. Что ж тебе и объяснять. Ежели репу вовремя не прополешь - все поле сорняком зарастет. А репа-то сквозь сорняк и не пробьется. А? И кормить нечем, и сторожить нечего. Так-то!

- Верно, - признал Бенедикт.

- А еще бы не верно. Теперь следи. "Репку" читал? Переписывал?

- Сказку? Читал: посадил дед репку, выросла репка большая-пребольшая.

- Но. Только это не сказка. А притча.

- Что значит притча?

- Притча есть руководящее указание в облегченной для народа форме.

- И чего ж тут указано? - удивился Бенедикт.

- А вот плохо ты читал! Тянет дед репку, а вытянуть не может. Позвал бабку. Тянут-потянут, вытянуть не могут. Еще других позвали. Без

толку. Позвали мышку, - и вытянули репку. Как сие понимать? А так и понимать, что без мыши - никуда. Мышь - наша опора!

А ведь верно! Вот как Тесть объяснил, - так все сразу понятно стало, все и сошлось. Большого ума человек.

- Так что в общем и целом, - заключил Тесть, - картина у нас выходит такая: коллектив опирается на мышь, как есть она краеугольный камень нашего счастливого бытия. Это я тебе излагаю общественную науку, не верти головой. И опершись таким манером, тянет что может. Репу - хорошо, а нет репы, - так хвощ, али ржавь на худой конец.

- Это точно. Верно говорите. У меня о прошлом годе всю ржавь из чулана стянули! Я пришел, - двери настежь, все вынесли!

- Хорошо, вот ты уже думать начал. Ну а как ты понимаешь свою задачу?

- Какую?

- Какую! Да полоть!

Бенедикт крепко подумал.

- Полоть?.. Хм. А надо полоть?.. А! Воров ловить?

- Каких воров!.. Соображай! Кто это - воры?

- Воры? Это которые крадут.

- Ну? А кто крадет?

- Кто крадет... кто крадет... да все крадут.

- То-то! - засмеялся Тесть. - Все крадут! Кого же ты ловить собрался? Себя самого, что ли? Экой ты забавник.

Тесть открыл рот и посмеялся как следует. Бенедикт отворотил голову: уж очень дух у него изо рта нехороший.

- Ну дак как ты свою задачу понимаешь?.. Сдаешься?.. Да лечить! Лечить надо людей, золотой ты мой!

Бенедикт похолодел.

- Кто - я?

- Ну а кто же? Конечно, ты! Вот отъешься маленько, - малый крюк тебе дам, а попривыкнешь, руку набьешь, - и большой выслужишь.

- Я не могу, нет, нет, нет, я не могу, как же... я не могу крюком, нет, нет, нет... тьфу, тьфу, тьфу, не могу, нет, нет, нет...

- Ну вот, пожалте! Объяснял я тебе, объяснял, вроде так ты хорошо слушал, и нате: не могу! А ты через не могу! Есть у тебя долг перед обществом али нет? К светлой жизни народ должен прийти али нет? Брату подмочь надо? Надо! Не спорь. Задача у нас, мил человек, благороднейшая, а народ отсталый, недопонимает. Страхи глупые, сплетни распускает. Дикость!

Бенедикт затосковал. Только что все понимал, и вот тесть как-то вывернул - и опять ничего не понятно, а только тоска.

- Так что: книги читать нельзя, что ли?

- Почему нельзя? - удивился тесть. - Читай на здоровьишко, у меня цельная библиотека старопечатных, есть и с картинками. Я тебе доступ сделаю.

- Так а зачем лечить?

- Опять двадцать пять! Потому что Болезнь!

- Я ничего не понимаю...

- Не все сразу. Поймешь.

- Ну а вот... вот вы сказали, что мышь - наша опора. А отчего у нас в доме мышей нету?

- Оттого у нас мышей нету, что у нас жизнь духовная. Нам мышь без надобности.

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

26

"За кого же он принимает меня? — думал Данилов, собираясь на работу. — Если за пришельца или еще за кого, пусть, куда ни шло... А если — за жулика или за какого агента? Еще настрочит бумаги куда следует, людей зряшным делом заставит заняться..." Данилов посчитал, что сейчас же надо истребить из памяти Николая Борисовича Земского даже и мельчайшие впечатления от знакомства с Андреем Ивановичем из Иркутска, их сидений и прогулок. Словно бы и не было ни Андрея Ивановича, ни моршанского ножа. И о его, Данилове,

оплошностях во время гуляний с Кармадоном Земский должен был забыть! Николай Борисович в ту же секунду и забыл... В театре был смирный, к Данилову не пристаивал.

Два дня или три Данилов провел в суете, в беготне из оркестра в оркестр, по ночам готовил дома симфонию Переслегина. С трудом выкраивал время для встреч с Наташей. То и дело — и даже в театр — ему звонила Клавдия, говорила обиженно, просила посетить ее Монплефир. Под Монплефиром она имела в виду квартиру, из какой Данилов ушел и за какую платил. Данилов рассудил, что Клавдия от него все равно не отвяжется, и на четвертый день ее просьб поехал в гости.

Клавдия одета была тщательно, словно бы Данилов стал интересен ей как мужчина. Краску и тушь на веки и на ресницы она наложила под девизом: "А лес стоит загадочный..." И точно, некая загадочность была и в облике хозяйки и в ее словах. Однако Данилов чувствовал, что тайны в Клавдии долго не удержатся. А потому и ни о чем ее не спрашивал.

— Не кажется ли тебе, Данилов, — сказала Клавдия, расставляя на кухонном столе чашки для чая, — что по отношению ко мне ты ведешь себя неблагородно?

— Нет, не кажется, — сказал Данилов.

Клавдия посмотрела на него удивленно.

— Отчего ты так переменился? Вот ты мне и хамишь...

— Я устал, — сказал Данилов, — ты же видишь во мне прислугу. Будь я свободен — возможно, я помогал бы тебе, но увы, сейчас твои хлопоты мне в тягость...

Клавдия чашки оставила, опустилась на табуретку.

— Ах, Данилов, — сказала она. — Я вижу в тебе друга. Ты нужен мне для душевных общений.

— Для душевных общений тебе могло хватить и Войнова... Он профессор и автор книг...

— Войнов, конечно, — согласилась Клавдия, — профессор... Но ведь есть у меня в душе и тайные уголки.

"Ну вот, дело дошло и до тайных уголков", — расстроился Данилов.

— А что касается твоей Наташи, — сказала Клавдия, — то мы с ней подружились. Она сшила мне чалму. Быстро сшила. Я довольна. Сейчас я покажу тебе. Только надевать ее следует с вечерним платьем... Я сейчас...

Клавдия направилась в соседнюю комнату, Данилов крикнул ей, что не надо вечернего

платья, что ему через полчаса бежать. Что было толку! А увидеть чалму, сшитую Наташей, он желал.

К удивлению Данилова, Клавдия позвала его через пятнадцать минут. Войдя к ней в комнату, Данилов забыл о недовольствах. Британской королеве предстояло увидеть жену профессора Войнова в черном платье из бархата и в черной чалме. Смелые вырезы платья открывали плечи и грудь московской гостыи, черный бархат украшала бриллиантовая гроздь. И на чалме играли бриллианты.

— А что, — сказал Данилов, — хорошо.

Он искренне радовался за Клавдию. Ему показалось, что и чалма хороша, хотя игра бриллиантов мешала ему разглядеть чалму внимательно.

— Для вечернего приема у королевы, — сказала Клавдия, — я сшила еще и тюрбан из горностаев. Но к нему у меня другое платье. Белое. Оно на той квартире. У Войнова. И тюрбан там.

— Жаль, — сказал на всякий случай Данилов.

— Жаль, — согласилась Клавдия. — Я потому тебе показываюсь, что у тебя художественный вкус. Раз ты говоришь, что хорошо, значит, хорошо.

— А тюрбан тоже Наташа шила?

— Нет, она не скорняк. Чалма вышла у нее безупречная. Но берет она дорого. И так решительно с меня запросила, будто я миллионщица. И это со своей-то!

— А ты уж и своя?

— Данилов, какой ты, право! Ты думаешь, эта Наташа простая? Ой нет! Поверь женщине. Мы с ней и вправду подружились, о чем только не переболтали... О тебе, конечно... Еще кое о чем... И я тебе скажу...

— Если ты шьешь наряды для королевы, — сухо сказал Данилов, — стало быть, вы с Войновым скоро уедете в Англию? И надолго?

— Ах, Данилов, — вздохнула Клавдия, — никуда мы пока не едем. Войнов, правда, старается получить командировку в Англию на три года, но до самой поездки далеко...

— А почему именно в Англию?

— Англию нам припрогнозировали, — сказала Клавдия и сразу же, словно бы в испуге, посмотрела по сторонам.

— Хлопобуды?

— Хлопобуды, — прошептала Клавдия.

— Но наряды твои устареют, что же их было шить?

— Чалма и тюрбан не устареют. А платья я заменю.

— И это все твои тайны? Из-за них ты вызывала меня?

— Ты не получил удовольствия от моих обновок?

— Ну... получил... — неуверенно произнес Данилов. — Но зачем тайнами-то заманивать?

— А ящики тебя совсем не интересуют? Те, что мы с твоими приятелями тащили...

— Да... Действительно... И что же с ящиками?

— Пошли! — приказала Клавдия.

Шли недолго, из кухни коридором и до кладовки, свет в коридоре был неяркий, однако Данилов сумел рассмотреть вечернюю Клавдию, не снявшую чалму, в движении, и понял, что тело ее нисколько не потеряло прежних форм, наоборот, кое-что волнующее Данилова и приобрело. "Да, она красивая женщина", — словно бы согласился с кем-то Данилов. Ящики занимали половину кладовки, надписи на их боках, удостоверявшие принадлежность ценностей Камчатской экспедиции, были замазаны синей краской. Крышку верхнего ящика отодрали, и Данилов увидел в ящике большой камень.

— Камень какой-то, — сказал Данилов.

— Ну и какой камень? — спросила Клавдия, в глазах ее теперь были и торжество, и тайна, и предчувствие будущих радостей, и желание вновь показать Данилову свое превосходство над ним.

— Я не знаю.

— А ты посмотри внимательно.

Данилов не только осмотрел камень, но и общупал его, и запахи камня уловил, только что не попробовал его на зуб. Верхняя поверхность камня была плоская, но не ровная, вся в выбоинах, видимо, ломами или перфораторами вынимали камень из родной среды.

— Лава, что ли? — сказал Данилов, вспомнив о вулкане Шивелуч.

— Лава! — рассмеялась Клавдия и с удовольствием погладила камень.

Минуты две она любовалась камнем, потом закрыла дверь кладовки и повела Данилова в кухню. Платье для королевы она не испачкала и не помяла, носить его, да и чалму, ей нравилось. Бриллианты с двойным внутренним отражением попрежнему играли на Клавдии тут и там. На кухне Клавдия закурила и сказала:

— Это лава. А через четыре года будут изумруды.

— Два ящика изумрудов?

— Два не два, а шкатулку заполнят.

— Неужели тут такая замечательная кладовка?

— Кладовка не при чем. Каким образом лава превратится в изумруды, не имеет значения, но превратится.

Твердость была в словах Клавдии и деловитость. Она давала понять Данилову, что ту информацию, какую он заслуживал, он получил, а прочее его не касается. Может, и

вообще она не имела права говорить об этом прочем. А Данилов молчал, он чувствовал, что Клавдии не терпится поделиться тайной. Он и молчал.

— Сейчас бриллианты в моде, — сказала наконец Клавдия, — а через семь лет, после одного события, в моду войдут изумруды. В такую моду, в какой они не были последние три столетия.

Данилов опять молчал.

— А у меня их будут десятки, около сорока, точнее, тридцать семь, крупные, будто с шапки Мономаха. Если мне надоест их носить, я их продам по хорошей цене.

Данилов молчал.

— Это реальные деньги, — сказала Клавдия так, будто Данилов с ней спорил.

Данилов молчал.

— И в том, как они возникнут из лавы, не будет ничего нечестного, никакого волшебства, а всё выйдет по науке... Один ученый из одного НИИ... — тут Клавдия опять спохватилась и стала смотреть по сторонам, но вряд ли кто, кроме Данилова и мелких бытовых муравьев, гулявших по столу, мог ее услышать. — Один

ученый, то ли Озямов, то ли Озимов, сделал открытие... Всё хотел получить искусственный изумруд, бился, бился — и ни с места. Потом решил разобраться, как природа-мать создает изумруды, и действовать ее способом. Понял: они из магмы, она остывает, что-то с ней происходит — и она преобразуется в кристаллы изумрудов...

Дальше объяснять своими словами открытие Озямова стало для Клавдии делом непосильным. Она принесла записную книжку, показала Данилову сделанный ею собственноручно рисунок разреза земли — разрез она назвала стратиграфическим. Показала, и где именно пекутся, а потом и остывают изумруды. Рядом на страничке был график движений температуры и давления.

— Ты тут все не поймешь, — заметила Клавдия.
— В общем, кавитация... Схлопывание пузырьков газа... А в газ надо перевести магму, то есть в наших условиях остывшую лаву... Температуры — порядка полторы тысячи градусов... давление — миллион атмосфер, а то и два... И пожалуйста — изумруд!

— Откуда же твой Озямов, — удивился Данилов, — возьмет давление в два миллиона атмосфер?

— Давление у нас найдется, — махнула рукой Клавдия.

— А зачем тебе лава именно от Шивелуча?

— Озямов бьется, бьется, сделал открытие, выбил оборудование для опытной установки, но подходящей магмы не нашел. Какую лаву брать — не знает. А я знаю.

— Откуда? Ах да... Хлопобуды...

— Да, хлопобуды, — прошептала Клавдия, и обреченные бриллианты взблеснули на черной чалме, — они. Ясно, что не в порядке очереди, а... Ну, а в общем, неважно Они и моду на изумруды мне предсказали, и открытие Озямова учли, и на машинах из всех вариантов выбрали лаву от Шивелуча. А Озямов о ней пока не знает... Я через верного человека наведу его мысль на эту лаву, вот и получу тридцать семь изумрудов — материал-то мой!

— Начнут делать искусственные изумруды — они появятся у всех и станут стоять копейки, как стекляшки.

— Свои изумруды я получу через четыре года. Все посчитают, что они из горных пород. Но у Озямова-то это будут опытные изумруды! А по прогнозам хлопобудов он еще три года походит в шарлатанах, потом перед ним извинятся, станут внедрять открытие — на внедрение уйдет шесть лет. А мне камни уже надоест носить! Я их продам, пока они еще будут в цене... Понял теперь, каково иметь дело с хлопобудами!

Данилова вся история с изумрудами очень заинтересовала; объяснения Клавдии его не удовлетворили, даже и с высоты технических

знаний Данилова слова Клавдии показались ему подозрительными. А может, она передала и все верно, да ученый Озямов бродил по ложным тропам. Так или иначе, Данилов решил выяснить, каким образом появляются изумруды и имеет ли к ним отношение лава от вулкана Шивелуч. Ведь ящиками с лавой Шивелуча владела не только Клавдия, но и Камчатская экспедиция, а какие из них подлинные, какие сотворенные им, Даниловым, он не знал, не запомнил в спешке. Камчатские экспедиторы тоже небось могли затеять опыты с лавой. С ящиками следовало разобраться, и сейчас же. Но Клавдия взяла его за руку.

— Данилов, изумруды ладно! — сказала она с неким вдохновением и забыв о шепоте. — Я добыла еще один долговременный прогноз! Подожди тут!

Она моментально принесла из комнаты сувенирный настольный сейф со свежей еще краской и никелированной ручкой. Сейф был как настоящий. "Бутылки три в него войдет", — отметил про себя Данилов. Ключом Клавдия отворила бронированную дверцу сувенира и пригласила Данилова заглянуть в его недра. Там стопкой лежали документы. Изнутри к дверце был приклеен лист белой бумаги со словами "Операция "Лишние дипломы". Документы и были дипломами. По большей части синими, лишь два из них, от отличников, имели

коричневые обложки. Данилов несколько дипломов осмотрел. Верхний принадлежал Казематову Игорю Платоновичу, получившему в 1960 году профессию врача-стоматолога. Другой — инженеру-металловеду Ципскому Олегу Николаевичу. Узнал Данилов и о дипломной работе третьего специалиста — Думного Виктора Петровича: "Плетение словес в житийном творчестве последователей Епифания Премудрого". Виктор Петрович был учителем литературы.

— Отдел кадров на дому? — осторожно спросил Данилов.

— Эти картонки — мои. Я имею и расписки... Все написавшие их отказываются не только от дипломов, но и вообще от прежних своих профессий. Честное слово дают.

— Зачем тебе все это?

— А-а-а! — протянула Клавдия.

Молчать она уже не могла, и, по ее словам, с дипломами выходило так. По точным исследованиям хлопобудов, лет через пятнадцать — семнадцать разведется у нас столько разных выпускников и так не станет хватать всяких необходимых людей — санитаров, продавцов, мозолистов, мусорщиков, полотеров, клейщиков обоев и афиш, садовников, домработниц, — что общество вынуждено будет просить лиц с

дипломами, особенно не уверенных в своем призвании, пойти в санитары, домработницы, садовники. Государство якобы даже решит доброхотам платить компенсацию за годы учений.

— Какую компенсацию? — не понял Данилов.

— А такую... Кому девять тысяч, а кому и все четырнадцать. В зависимости от затрат. Только чтобы пошли в санитары и в раздатчики пищи.

— Разве мы тратили деньги на образование?

— Государство и тратило. Ну и что? Если обществу так потребуются люди в обслугу, оно хоть и свои затраты решит компенсировать. Сколько диплом стоил, столько, с учетом школьного воспитания, и заплатят человеку, лишь бы он согласился сдать диплом.

— Странно все это... — покачал головой Данилов.

— Так и будет... Припрет — и будет... И теперь ведь... Сколько людей, что учились, изнуряли себя, спокойно работают — и вовсе не по специальности, а где кому хочется, хоть бы и пожарниками или ассенизаторами... И не нужны им никакие дипломы... Вот я уже сколько приобрела... У кого за пятерку, у кого за двадцатку, у кого подороже, у кого бесплатно... А придет срок, я по этим дипломам и по распискам их владельцев соберу всю компенсацию!

— Нет, что-то тут не так.

— Что не так? Что? Ты, Данилов, далек от социальных проблем. Ты бы лучше мне помог. Есть у тебя люди на примете, кому не нужны

дипломы? Только не старые и не больные, чтобы могли тянуть и через двадцать лет?

— Надо подумать... Один есть. Кончил консерваторию, был контрабасистом. Теперь он пробочник.

— То есть?

— Люди, не имеющие штопора, обычно проталкивают пробки в бутылку. Бутылка емкостью ноль семь стоит семнадцать копеек, а с пробкой внутри ее берут на пунктах приема по десять копеек. И то как бы из жалости к хозяину. А там у них за ящиками сидит пробочник и леской с петлей вылавливает пробки, имеет за пробку две копейки. Мой знакомый играл скверно, а пробочник, говорят, вышел из него виртуоз. Делом доволен, живет хорошо.

Было похоже, что Клавдию заинтересовал не диплом пробочника, а способ добывания им пробок.

— Надо запомнить, — сказала она. — Именно леской?

— Можно и не леской. Можно веревкой. Или проволокой.

— У тебя один такой знакомый?

— Не знаю... У твоего приятеля Ростовцева, — вспомнил Данилов, — два диплома, из них один университетский, а сам он разводит попугаев, ты обратись к нему.

— Ладно, — быстро сказала Клавдия. — Ты займешься переговорами по моему списку. Там много кандидатов.

— Откуда я время найду? — жалобно произнес Данилов.

"Опять я ей поддаюсь, — подумал он, — опять малодушничая... Эко ловко она меня приручила снова..."

— Я пошел. Это и были твои сумасшедшие идеи?

— Нет. Главная моя идея иная.

— Ты ее уже получила от хлопобудов?

— Сегодня я тебе ничего не скажу.

— Ну, смотри, — сухо произнес Данилов и направился в прихожую.

Клавдия то ли подумала, что Данилов обиделся, то ли вообще не хотела отпускать его, пошла за ним и заговорила так, словно в чем-то была перед ним виновата:

— Володенька, я не могу все сразу... Ты и сам знаешь, что у хлопобудов строгие порядки... И есть очередь... Я уж и так все время норовлю заскочить вперед... Да и все хотят с черного хода... С черного-то хода вся очередь перемешалась... Я имею лишь косвенные данные о своей главной идее... Она и не сформулирована точно... Но мне сейчас хватит и не главных дел...

Клавдия не лукавила, была искренней, говорила с полным к Данилову доверием.

Словно сейчас считала его равным себе. Это Данилова растрогало. "Да нет, — тут же подумал он, — это она так, со сверхзадачей... Ей нужны помощники в ее затеях, ящики таскать или выкупать дипломы, вот она и желает меня, любопытного дурака, подцепить... А впрочем, ей надо и выговориться перед каким-нибудь одушевленным предметом..." Но при всем при этом отчего-то возникли вдруг у Данилова и некие теплые чувства к Клавдии. Давно с ним не было такого. Будто старое время вернулось, когда Данилов находился относительно Клавдии в заблуждении. Ее затеи были для Данилова чужие и странные, но все же — к чему-то стремилась женщина, пламенем пылала ее нетерпеливая натура! А это для Данилова многое значило. Он ощущал, что и его бывшая жена смотрит на него сейчас если не с прежним интересом, то во всяком случае как бы сожалела о чем-то. Клавдия и сказала:

— А может, зря у нас с тобой тогда так все вышло?

Данилов пожал плечами.

— Ты приятный человек... Если бы ты еще не вел себя рохлей. Или был бы таким, как твой приятель из Иркутска Сомов...

— Сомов?

— Да... В нем было что-то демоническое...

— В Андрее Ивановиче?

— Да.

— Однако он вернулся от тебя подавленный.

— Он мог бы вести себя тогда и как джентльмен... Он не появится еще в Москве?

— Не знаю, — сказал Данилов. — Мне надо идти. Меня ждет музыка.

— Ах, эта твоя оркестровая музыка! — с досадой сказала Клавдия. — Был бы ты хоть по натуре солистом! Вот Сомов, он — да...

— Я пошел.

— Иди... Но ты запомни: твоя Наташа — совсем не простая. Хочешь, я расскажу тебе...

— Я пошел, — сказал Данилов и закрыл за собой дверь.

Он нажал кнопку лифта, однако кабина вверх не поехала. Лишь через минуту возник знакомый звук, кабина поднялась, и в то мгновение, когда она проходила пятым этажом, Данилов увидел в кабине румяного злодея Ростовцева. И Ростовцев заметил Данилова. Возможно, он был намерен выйти на пятом этаже, но при виде Данилова раздумал и поехал выше. Данилов махнул рукой, пошел вниз по лестнице. Когда он был на первом этаже, кабина с Ростовцевым опустилась туда же. Данилов остановился, и тут кабина понеслась вверх. "Ну ладно, его дело, — подумал Данилов. — Пусть катается".

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, или Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

13

Было пасмурно и сыро, когда Шеврикука выбрался во двор. Шел, подставив лицо дождю. Смутным видением надвинулись на него Ягупкин и Колюня-Убогий.

— Сколько теперь времени? — спросил Шеврикука.

— Одиннадцать, одиннадцать, — ответил Колюня-Убогий. — Пятница.

— Сколько? — не поверил Шеврикука. — Одиннадцать пятницы? Уже?

— Во-о! — обрадовался Ягупкин. — Откуда ты выполз такой смурной? Тебя шатает! Смотри у меня! Будешь баловать, пропадешь, как этот старичок!

— Какой старичок? — спросил Шеврикука.

— Старичок, старичок, старичок, — запел Колюня-Убогий и, похоже, был готов пуститься в пляс. — Пропал старичок!

— Да не вой ты! Какой старичок пропал? — обратился Шеврикука к Ягупкину.

Был Ягупкин опять на двух ногах, но очень утертый кулаками. Возможно, и твердостями обуви.

— Не пропал он, твой старичок, — сказал Ягупкин. — А сгинул. Сгиб.

— Тебя зонтами били? — спросил Шеврикука.

— Какими зонтами!.. Дикари! Людоеды! Книгами! Английской живописью из Эрмитажа! У них там, понял, стоял лоток. Он у них недолго постоит!

— Постоит, постоит, постоит! — заплясал Колюня-Убогий.

— Ну ладно, — сказал Шеврикука. — Какой старичок-то? И почему — мой?

— Старичок, старичок, старичок! — Колюня-Убогий пошел вприсядку и будто бы держал в

руке платок. — Петр Арсеньевич, старичок, как и ты, изнуренный.

— Ихним лотком — им по башкам! — сказал Ягупкин. — А один еще на валторне играл. И валторну! А старичок Петр Арсеньевич именно не пропал, а сгиб.

— Но он не мог погибнуть, — сказал Шеврикука.

— Мог, не мог! — поморщился Ягупкин. — Тебе говорят, значит — сгинул. Иди посмотри. Там взрыв и пожар. Может, эти отродья с Башни.

— Он им мешал? — спросил Шеврикука.

— Нет, ну ты точно изнуренный, — сказал Ягупкин. — И тебя шатает. Ты до Кондратюка не дойдешь.

— Дойду, — сказал Шеврикука. И пошел. А Ягупкин и Колюня-Убогий решили его сопровождать.

Жизнь дома на Кондратюка, где обитал Петр Арсеньевич, и верно, была нарушена. Людей одного из подъездов определенно выселили. Рамы раскуроченные увидел Шеврикука, черные следы пожара. Сам учинить такое Петр Арсеньевич не мог. Погибать он не собирался. Еще совсем недавно он опасался сокращений и перетрясок и, надо полагать, не допустил бы и безобразий жильцов. Стало быть, могла проявить себя посторонняя сила. Впрочем, соображал сейчас Шеврикука плохо и пребывал в растерянности.

— Во! — указывал на разрушения Ягупкин. — И этих с лотком и валторной надо бы так!

— Когда был взрыв и пожар? — спросил Шеврикука.

— Три дня назад. Вот только ураган отпустило. И циклон. И бабахнуло.

— И жертвы?

— Двоих увезли в каретах. А может, и больше.

— А с чего вы взяли про старичка-то?

— Старичка, старичка, старичка! — заплясал Колюня-Убогий. — Взяли, взяли, взяли!

— А потому что в этот дом уже намечают нового! — хмыкнул Ягупкин.

— Но, может, Петра... этого, Арсеньевича... — осторожно предположил Шеврикука, — куда перевели...

— Перевели! Пойди проспись! Петр Арсеньевич — тю-тю!

Ничтожный Ягупкин грубил, а у Шеврикуки не было сил поставить оболтуса на место. "Что их слушать?" — подумал Шеврикука.

— Пойду и просплюсь, — согласился Шеврикука. — Я — больной, на больничном. Болею болезнью.

"Расследование и дознание!" — указал себе Шеврикука по дороге домой. Но прежде следовало отлежаться в малахитовой вазе жильцов Уткиных, прийти в себя, поверить в возможность исчезновения или гибели Петра Арсеньевича и все благоразумно обдумать. В малахитовой вазе Шеврикука и залег.

"Начинать надо с Тродескантова! Именно с него! С Тродескантова!" Мало ли что могли вбить себе в голову Ягупкин и Колюня-Убогий и мало ли чему в волнении мог поверить он, Шеврикука. А Тродескантову он имел повод задать вопросы. Домовой Тродескантов по жребию был распорядителем последних деловых посиделок, и он, пусть и деликатно, не допустил Шеврикуку в залу заседания. Шеврикука мог теперь, проявив себя скандалистом, потребовать сведений, где же этот старичок, Петр Арсеньевич, выдвигенец, его заменивший? Есть он или его нет? Пусто ли его место? И если пусто, не состоится ли возвращение его, Шеврикуки, в действительные члены посиделок? Хотя сам он хлопотать о возвращении не намерен. Только в случае извинений перед ним — он посмотрит.

Не сразу, а лишь ощутив возобновление сил, Шеврикука отправился искать Тродескантова. Говорил шумно, именно скандалил. Никакие тайны домовых Тродескантов разглашать не имел права, и давать справки его никто не уполномочивал. Но напор Шеврикуки привел стеснительного Тродескантова в волнение. "Ничего я про Петра Арсеньевича не знаю, — суетился Тродескантов. — Его уже нет в ведомости". "Нет, его точно вычеркнули? — кричал Шеврикука. — Или это слухи?" — "Ну, вычеркнули, вычеркнули..." — "Но вы видели,

что его вычеркнули? Или знаете с чужих слов?" — "Ну видел, видел, — растерянно повторял Тродескантов. — И сняли с довольствия..." Ах, распалялся Шеврикука, если этот Петр Арсеньевич таков, что его соизволили вычеркнуть, то как же посмели им заменить его, Шеврикуку, на посиделках! "Я тут не при чем..." — ныл Тродескантов и отступал от Шеврикуки. "А кто же при чем?!" И далее. И далее. Громкие слова униженного и оскорбленного. На полчаса. Но главное Шеврикука узнал. Раз вычеркнули и сняли с довольствия, Петр Арсеньевич и впрямь исчез. И скорее всего, безвозвратно. Мог попасть и в секретные узники. Но вряд ли. Не той степени была личность. Сам истребить себя Петр Арсеньевич не имел возможности. Если бы и имел, то зачем понадобилось бы ему сгинуть? Причин Шеврикука не находил. Стало быть, с ним сотворили. Кто? Можно было строить догадки. Сотворили свои или чужие. Правда, кого считать своими и кого чужими... Но почему? Или зачем? Решение судьбы Петра Арсеньевича было явно внезапным. Возможно, неожиданным и для исполнителей. Не из-за его же, Шеврикуки, бумажных листочков с рисунками и оттисками! Но тогда бы дотянулись до самого Шеврикуки. Или до Гликерии. Нет, рисунки вряд ли принимались во внимание. Но было отчего обеспокоиться Шеврикуке. И выходило, что он жалел Петра Арсеньевича. Шеврикука вспоминал: с кем был в приятельстве Петр Арсеньевич или хотя бы с кем поддерживал

отношения? Сведения об этом были у него туманные. Петр Арсеньевич говорил о своем одиночестве и об отсутствии собеседников. Но не всегда же он был одинок. Кто-то наверняка знал и про обстоятельства его останкинской жизни. Это предстояло выяснить.

Нетерпение гнало Шеврикуку к пятиэтажному дому Петра Арсеньевича. И все же Шеврикука посчитал, что визит следует отложить до полуночи. Да, новый домовый, как выяснилось из оправданий стеснительного Тродескантова, туда еще не перебрался, хозяйство не принял, но мало ли что? Вряд ли дом оставили без присмотра. И возможно, присмотр этот поручили цепкому глазу. Не исключено, что и не одному. Ну ладно, пообещал Шеврикука, как-нибудь сообразим...

Но назначением полуночи Шеврикука скорее стремился утихомирить себя и действовать хладнокровнее. Что день, что ночь — условия визита оставались одинаковыми. И наверное, Шеврикуке предстояло превратиться в летучее насекомое — в комара или в дрозофилу. Либо стать пробивным тараканом, какому доступны все ходы коммунального строения. Не скажу, что это было приятно Шеврикуке, но, пожалуй, мелкое существо могло проворнее отыскать тайники Петра Арсеньевича. А они, полагал Шеврикука, были. Если их, конечно, уже не опустошили. Или не спалили в минуты пожара.

Дом Петра Арсеньевича был хрущевских времен, без лифтов, квартиросъемщиков в нем

проживало меньше, чем в двух подъездах Шеврикуки. Причины взрыва и пожара, разведаль Шеврикука вечером, были самые обыкновенные. Утечка газа, повреждение проводки, пьяный курильщик в постели. Создать их не стоило трудов. Причем не постеснялись учинить беды людям, — значит, сила действовала бесцеремонная. Вряд ли Петр Арсеньевич, каким его Шеврикука знал, не следил за газом и электричеством.

В сумерках Шеврикуке показалось, будто за ним наблюдают. Будто рожа наглеца Продольного мелькала в кустах бересклета. Будто шуршание чье-то следовало за ним. В тронутom взрывом подъезде было сыро и пахло горелым деревом. На трех этажах жильцов оставили, на четвертом и пятом квартиры освободили. Путешествия Шеврикуки мухой-дрозофилой были неспешно-осторожными и неожиданно утомили его. К открытиям они не привели, хотя и подтолкнули Шеврикуку к некоторым размышлениям. Но когда он летал в совмещенном уют-кабинете и был намерен спикировать под ванну, засыпанную кусками грязной штукатурки, он ощутил движение воздуха. Никаких ветров здесь быть не могло, но его, Шеврикуку, явно кто-то хотел сдуть или прибить к стене. А потом чья-то рука возникла, отдельная, сама по себе, смутно видимая, но чуть ли не с когтями. И рука эта стала ловить Шеврикуку. Дважды она взлетала, и пальцы ее сжимались, Шеврикука едва-едва успевал

проскочить меж ними. И кто-то ухал в досаде. "Этак ведь раздавят! Или прихлопнут!" Шеврикука ринулся ввысь, к потолку, к вентиляционному отверстию, юркнул в него, а рука ударила по пластмассовой сетке, и стена треснула. Несся Шеврикука трубами, воздушными ходами, словно им выстрелили, вылетел в пространство ночи, лишь во дворе разрешил себе спуститься в зелень. "Каким тут комаром! Какой мухой! Истинно раздавят или прихлопнут!" И вырос в прежнего Шеврикуку.

Но он был рассержен, вошел в состояние: "Сейчас я с ними разберусь" — и двинулся к дому. Сразу же услышал жестяное: "Не лезь, Шеврикука! Не суйся!" А никого рядом и не было. И будто бы камни покатались вниз в водосточной трубе. Сначала Шеврикуку остановила некая невидимая плоскость, словно бы он ткнулся лбом в незамеченную им стеклянную дверь. И тут же из мрака выпрыгнул гибко-резиновый призрак в шишковатом шлемемаске и с палкой ниндзя в руке. Не раздумывая, Шеврикука ударил его в голову. Призрак охнул, согнулся, но смог вскинуть палку...

Когда Шеврикука пришел в себя, он увидел рядом с собой Пэрста-Капсулу. Было утро. Шеврикука лежал в траве сквера улицы Королева. Пэрст-Капсула стоял над ним.

— Ты же... — еле пробормотал Шеврикука.

— Нет, — сказал Капсула. — Я остался. Я забыт.

— Это ты меня ночью?

— Нет, не я. Я нашел вас здесь.

— Даже так? — спросил Шеврикука. — Именно здесь?

— Да. Я искал и в других местах. Но нашел здесь.

— Ладно. — Шеврикука попробовал подняться и встал. — Ничего. Все движется. Могло быть и хуже. Но стоит пойти и продлить больничный... Тебя послали меня отыскать?

— Меня никто не посылал, — сказал Пэрст-Капсула. — Меня нет. Меня забыли. Я сам по себе. Я искал сам.

— Но если забыли, — предположил Шеврикука, — могут и вспомнить.

— Вряд ли. У них суета. Потому и забыли. И я для них слишком мелкий. Полуфаб. Возможно, недосотворенный. Промежуточная стадия. Или не так сотворенный и брошенный...

— Пэрст — что за имя?

— Пэрст — проблемы энергетического развития судеб. Транспортно-биологические, в скобках. Лаборатория.

— Ну ладно, — сказал Шеврикука. — И что же мне с тобой делать?

— Я вижу: вы теперь в затруднении, — сказал Пэрст-Капсула. — Может, я способен в чем-то вам помочь?

— Ты-то? — удивился Шеврикука. — Вряд ли. И сам говоришь — слишком мелкий.

— Именно потому, что слишком мелкий... Но обучен многому...

Чуть ли не обиду ощутил Шеврикука в голосе духа. Не слаб и не сентиментален, как в ночь прощания, а серьезен был теперь Пэрст-Капсула. Мгновенно возникло соображение.

— Ты пришел за своими вещами? — спросил Шеврикука.

— Нет. Просто потянуло к вам. Но они у вас?

— Они пропали, — сказал Шеврикука.

— Известно, кто их взял?

— Пропал мой знакомый, кому я доверил их укрыть. Возможно, вместе с ним пропали и вещицы. Возможно. Но возможно, что тайники его остались нетронутыми. Я хотел проверить, но мне не дали.

— Где и как? И кто не дал?

Шеврикука, не тратя много слов, рассказал о Петре Арсеньевиче, о его доме, взрыве и пожаре.

— Я могу проникнуть, — сказал Пэрст-Капсула, — и посмотреть.

— Ну-ну! — покачал головой Шеврикука. — Уж если я...

— Я могу. У меня другие возможности.

— Попробуй, — сказал Шеврикука.

И он отправился домой. Пэрсту-Капсуле было предложено, если попробует и справится с делом, прибыть ночью во двор Землескреба в то самое укромное место, где он и вручил

Шеврикуке вещицы в канун ожидаемой им гибели.

В два часа ночи Шеврикука вышел во двор. Пэрст-Капсула ждал его.

— Я там был, — сказал он. — Тех вещей там нет. Или я на них не наткнулся. Отыскал лишь это.

И он протянул Шеврикуке портфель, какие имели учителя или скорее учительницы в двадцатых годах столетия.

— И где?

— Полости в плитах перекрытия, — сказал Пэрст-Капсула. — Между вторым и третьим этажом нетронутого подъезда. Производственный брак завода панельного домостроения шестьдесят первого года. В других полостях и пустотах не обнаружил ничего существенного. Но возможно и повторное исследование.

— Пока не надо.

Помолчав, Шеврикука сказал:

— Я ввел тебя в заблуждение. Твоих вещей в том доме и не было.

— Вы мне не доверяете?

— Не знаю, — сказал Шеврикука.

— Я один. Меня никто не посылал, — опять в голосе Пэрста-Капсулы была обида, но теперь к ней добавилась и печаль. — Я хотел помочь...

— Я никому не доверяю, — сказал Шеврикука. — Такая нынче жизнь...

— Я один. Мне некуда идти. Я устал. Есть причины. Мне надо отдохнуть. Выспаться. Но не на виду.

— Ну ладно, — сказал Шеврикука. — У меня в подъездах найдется место. Пошли.

Порядочных московских чердаков, где можно было бы развешивать белье или держать голубей, в Землескребе не было, но получердачье возле шахт лифтов имелось, чтобы подобраться к механизмам в случае их поломки или вылезти на плоскую крышу. Бомжей в своих подъездах Шеврикука не поощрял. Но один бомж как-то у него завелся. Вернее, это был не совсем бомж, а законный житель второго этажа, любитель одеколона и аптечных жидкостей, поругавшийся с матерью, с братом и потому решивший произвести себя в бомжи. Мать с братом строптивного укротили, отправили в лечебницу, а в получердачье осталось от него логово с помятой раскладушкой. Лучшего убежища Пэрсту-Капсуле Шеврикука предоставить не мог. Шеврикука сопровождал Пэрста-Капсулу на верхний этаж, по железному трапу они поднялись к дверце, обитой ведерной жестью, усталому духу было показано предлагаемое место жительства. Пэрст-Капсула кивнул, ему и раскладушка с рваным брезентом была хороша. Радость Пэрста-Капсулы отчасти растрогала Шеврикуку, и он даже указал гостю на ком войлока в углу чердака и на драный плащ

прежнего бомжа — ими можно было утеплиться. Хотя ночи пока стояли душные. Впрочем, Шеврикука тут же пробормотал как бы в воздух слова о том, что им, наверное, надо будет подумать, где бы сыскать место поудобнее, поспокойнее, а то вдруг выйдут какие-либо затруднения. "Да-да, — согласился Пэрст-Капсула. — Мне бы только отдохнуть дня три..." "Да нет, это я так, — великодушно успокоил его Шеврикука. — Отчего же дня три? Можно и побольше... Торопиться не будем".

"Пусть уж он за мной присматривает, — подумал Шеврикука, — если его прислали с этим..." А сам он с портфелем Петра Арсеньевича проследовал в квартиру Уткиных.

(продолжение предполагается)

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

— Вы на следующей выходите? — Да. — А впереди вас выходят? — Да. — А вы их спросили? — Спросил! — И что они сказали? — Что пока мы спрашивали, таки проехали.

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 29

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) бесплатно предоставляется на почтовом сайте www.mailru.com и далее по адресу eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога